

УДѢЛЪ СЕВЕРНОМУ ДѢЛУ

ВЪВЕДЕНІИ
КНИЖКИ

ПОСЛѢДНІИ
ЛѢТЪ

СПБ.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

ЕВГЕНИЙ КИСКЕВИЧ

НОКТЮРН ДУШЕ

Стихотворения

Водолей Publishers
Москва – 2008

ББК 84Р7-5
К44

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление *А. Арсеньева и В. Резвого*

Послесловие *А. Арсеньева*

ISBN 978-5-9796-0121-2 © А. Арсеньев, составление,
послесловие, 2008
© В. Резвый, составление,
2008
© Водолей Publishers, 2008

СОБРАНИЕ СТИХОВ
1923–1928 гг.

Семиглавый сборник
(Белград, 1929)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Художественное творчество – долг перед собою, до конца выполняемый лишь в процессе служения людям.

Но одичавшее русское общество не нуждается в поэзии. Его духовные интересы удовлетворяются ненужным безумием политической склоки.

Историки литературы, заменяющие отсутствующих критиков, твердят о «потоке стихов», кризисе прозы и пытаются всучить социальный заказ.

Огромная русская эмиграция, поблескивая крупными именами, сама лишена величия. Ее командные высоты заняты далеко не лучшими, а хозяйственно-культурные очаги зависят от введенных этими деятелями в заблуждение иностранных правительств.

Литераторы с громкими именами сидят без издателя, или печатаются, точно «молодые», на свой риск. Ибо издателям ни к чему платить авторские, раз можно бессудно перепечатывать покойных классиков и выпускать бульварные романы. Это очень нужно лицам, знающим 35 букв алфавита: надобно, чтобы их не трогали, чтобы волновали в них лишь примитивные ощущения, и льстили! Свой спрос на легкое чтение эти грамотеи оправдывают отсутствием в современности... Пушкина!

Хотя Пушкина в последний раз они читали в пятом классе!

Не может быть универсальной поэзии. Ржаной хлеб и тот едят не все. Я хотел бы писать для всех, кто ест ржаной хлеб. Но искусство всегда будет для некоторых, в конечном счете для избранных из немногих.

«Мы будем читать хороших писателей», – говорит общество.

Я стану писать для хорошего читателя.

Но – начинающему литератору не приличествуют объяснения... Преступив это, доскажу повестью об одном балканском премьерe.

Парламентарии укоряли его, что он не поступает подобно Гладстону.

Какие вы для меня англичане, таков я вам и Гладстон – ответил тот.

ГЛ. VI, СТ. 12, 13

Туда, в крылатые долины,
Туда, за Брынские леса,
Струится посвист соловьиный,
Под скованные небеса.

И голос, бурею рожденный,
Во встречной буре роя брешь,
Стремит потоком непреклонным
Через оскаленный рубеж.

Туда с последнею любовью
Слова бросаю, чтоб весной
Они взошли над черной новью,
Над недопаханной землей,

Чтобы в глуши, в родных равнинах,
Не сгибли, волею судеб.

.....

И возле дивного озима
Разделят ненасущенный хлеб.

ЗЕМЛЕ! ЗЕМЛЕ!

Земле! Земле! С веревкою на шее
Бродячий люд
К тебе припал. Воспоминаям грея,
Дай жизнь и суд!
Услыша зов сквозь каменные недра,
Приникший сын
Увидит вновь раскинувшийся щедро
Полет равнин,
Где жаворонки над маревами реют
Степной реки,
И зеркалом на желтизне белеют
Солончаки,
Где красный лес бросает по болотам
Напев стволов,
Хребты несут к молитвенным высотам
Бугры снегов...

Когда б на миг почуять пьяный шорох –
Рассказ дубрав!
Хотя б во сне упасть в медвяный ворох
Любовных трав!
У странника пересчитать вериги
Средь трех дорог,
И – подпалить соломенную ригу –
Златой чертог!
Наедине послушать ключ овражный
В закатный час,

И дух полей, фиолетовый и влажный,
Вдохнуть хоть раз...

21-26-X-27 г.

ТУЧИ

Суровых дум над судьбами России
Сгущается багровая гряда.
Лихая тень встревоженной стихии
Легла крылом на весь и города.

Не забывай о таинстве незримом,
Которое свершилось в облаках:
Над городом, восторженно-гонимым,
Промчался сонм с оружием в руках.

Товарищ, знай: заклетьями твоими
Теперь грозит расплавленная высь.
Любить вовек утратившую имя
Под тучами кипящими клянись!

РОЖДЕННОМУ

Рожденному в добре и зле
Земной тяжел, не сладок жребий:
Забота о вине и хлебе,
И мысль, блеснувшая во тьме,
И трепетное аллилуя,
Соревнованье и борьба,
И жар пустого поцелуя,
И кладбищ пыльные гроба.
Мы по степям, сердцам, горам,
Родным и чужеземным водам,
Чужим и ближним городам,
Назло лучам и непогодам,
Томимы счастьем и печалью,
Хромая, продолжаем путь.
Так двустороннюю медалью
Героя украшают грудь.
Держите ж непреклонный шаг
Навстречу вечеру и ночи,
Пока в душе хватает мочи
И шелестит безвестный стяг.

31-X-26

REQUIEM

– Ну, что ж? Стало меньше одним,
В мир явятся новые вновь,
Прекраснее, выше, сильней.
Твердил за другими иерей:
«У нас стало больше одним,
К мучениям тело готовь».

«С святыми его упокой»,
Молилися о мертвеце.
– Меня же оставь для живых!
Взывал я на каждый их стих.
Но видел я отблеск иной
На бледном и страстном лице.

– Иерей! Не влеки, не зови:
Я в ямы твои не сойду.
Под стон панихиды глухой
Внимая надежде земной,
Я прежней молился любви,
И в новую верил звезду.

1924

ТИРАДА

Увенчанный при жизни темным лавром,
И вскормленный на медленном огне,
Внимая восклицаньям и литаврам,
Как детской неглубокой болтовне,

Не слышны мне завистливые речи,
Не нужно удивление рабов,
Мне в сердце ныне вечность грома мечет,
И только ей я отвечать готов.

Я, тайную в себе свободу холя,
Раскован, возвеличен, утвержден.
Себе – неисчерпаемая воля,
Другим – предначертанье и закон.

Но мысли, что таится в складках тоги,
Не смогут взять мещане и рабы.
Так, мимо них, ведет меня в чертоги,
Где Вечность спит, рука моей судьбы.

Я возношусь, где в славе блещет Вега,
Пока не минет отдаленный срок,
И, в завершенье Богочеловека,
Населит землю Человекобог.

Днесь, черными огнями пламенея
Над Гения возвышенным челом,

Созвездия Весов и Кассиопеи,
Сжигая лавр, свиваются Венцом.

23-III-27 г.

ПРОФЕССОРСКИЙ ГОРОДОК

По старой памяти пасутся
Стада баранов и гусей
В лугах, где кружевами вьются
Сплетенья балок и осей,
И твердой вырастает аркой
Как сталь, сухой речной песок
За дуговою искрой жаркой
Над ложем вынутых дорог.

Пусть множатся дома-коробки
Над клумбами, где спят цветы,
Как сон взлелеянный и робкий,
Как знамя новой красоты,
И пусть полно чиновным зданье,
Где может быть дворец идей,
Пусть, как любовь, продажно знанье
За счастье куриц и детей,
Пусть в окна голосит со шваброй
Широкопятая кума!

Над путанной абракадаброй
Лученья страсти и ума
Уже горят снопом кометы,
Уж слышен медленный прибор!

Лаборатории отсветы
Над обнаглевшей землей
Сжигают бешено и немо
Перержавевшие болты,
Революционной теоремы
Бросая новые мосты.

Быть может, завтра будет вбита
Шеренга свай в расчеты сил,
И переломана орбита
Земли и скованных светил,
И встанет страшною спиралью
Над миром формула жрецов,
Чтоб закрепить числом и сталью
Мечту безумцев и певцов.

19-VI-1927 г.

ВЕНОК

Над Новым городом
Веков спираль
Железным воротом
Вздымает сталь,
В бетон размешанный
Кладет кирпич
И в небо бешеный
Бросает клич.

А там, за линией
Стальных бугров,
Где небо синее,
Да плеск овсов,
И паром курится
Моя земля,
Швыряют улицы
Дома в поля.

Не бойтесь, дачники,
За палисадники,
Лишь неудачники
Страшатся Всадника,
И слово Плотника
В железо вковано,
В руках работника
Звенит по-новому.

Над Вавилонами
Поставим башню!
Сетьми бетонными
Покроем пашню!
Хоть с разным голосом
Язык строений
Посеем колосом
Для поколений!

И небо звездное
И их, и нас

Взнесет над бездною.
А мы сейчас
Рукою броскою
Венчаем кров
Над башней плоскою
Венцом овсов.

Янв. 27 г.

ЛОЦМАН

Волна швыряет за волною
Камням понятные слова.
Короткой, влажною рукою
Волну швыряет за волною,
Вздымая ломанной грядою
Шумящей пены кружева.
Волна швыряет за волною
Камням понятные слова.

Простой и грубой полон веры,
Ведет он двухмачтовый бриг
Через разломанные шхеры.
Простой и грубой полон веры,
Глядит на серые химеры
Утесов, скрывших материк.
Простой и грубой полон веры,
Ведет он двухмачтовый бриг

В покой глубокого залива.
Среди норвежских бригадин

Проводит твердо в порт гульливый,
В покой глубокого залива,
Чтобы потом засесть лениво
В дыму береговых кантин,
В покое бризного залива
Среди норвежских бригаantin.

1928 г.

ВЕРТОГРАД

Садовником у вражеского стана
Я мню себя. И обольщаться рад,
Что возрастет цветной, благоуханный
Из рук моих Семирамидин сад.

А вихри дней, как лошадей копыта,
Разносят всё, что холил я вокруг.
Безмерными потопами размыто
Творение неверующих рук.

Но древнее призванье паладина,
Пожравши кровь, мне выменяло власть
Отраву лет, разломы и руины
Священными дилеммами заклать.

И вот, опять, согбенный и усталый,
За паводком спадающим слежу:
Обсеменить алкающие скалы
Садовником Господним прихожу.

III

КАК БОЛЬНО

Как больно – в краткое мгновенье
Пасть с высоты.
Я нежные в своем паденьи
Измял цветы.
И хоть волна на гребне пенном
Опять взнесет –
Не видно в беге переменном
Былых высот.

1924

РУИНЫ

За улицей провинциальной
В развалинах и лопухах
Руиною многоколонной
Ушедшие года лежат.

Мучительным, но райским утром
Волшебников гнали на казнь,
И двигались смиренно мудро
Процессии к монастырям.

Раскачиваясь на качелях,
Как девочка – вверх-вниз – в саду,
Как женщина уже, Джульетта
Засматривалась на мужчин.

А темною и звездной ночью
Под маскою скользила тень,
И падала на мрамор роза
С рассветом на кровавый след.

17-IX-26 г.

РАКЕТА

В холодный воздух, в туч просветы,
Руками, полными огня,
Бросаем синий свет ракеты
И я, и вы, и мы, и я.
Молчит и дышит купол емкий.

Как лес удара топора,
Так ждут лукавые потемки,
Что воздух неба и двора
Разрежет огневая бритва!

Не обжигайся, но лови:
Горячий след – моя молитва,
Молитва о твоей любви.

январь 28 г.

СИРЕНЬ

Овеян ароматами сирени,
Схожу в прохладный, задремавший сад,
Где ивы с тростниками говорят,
Где круглые бросают липы тени,

И жду, смиренно преклонив колени,
Пока сойдешь в замороженный сад,
И, подарив горячий, быстрый взгляд,
Меня овеешь запахом сирени.

Иди, спеши! Лобзанием безумным
Твою согрею жаждущую грудь,
Чтоб новые желания вдохнуть,

Чтоб в дремлющем саду под кругом лунным
Зажечь тебя желанием безумным
И за сиренью сладостной уснуть.

XII-21 г.

РАССТАВАНИЕ

Мы встретились, как две кометы.
Зачем и как, не знаю сам:
Одним дыханием согреты,
Стремилась к разным берегам.
Средь человеческой метели
Мы, дети вспыхнувшей земли,

Простить чего-то не умели,
Понять чего-то не могли.
Припоминали... и касались,
И вновь не верили мечте.
Но я, иль ты, мы не решались
Упасть на этой высоте.
Ты удалилась. Отблеск дальний
С тобою отлетал в провал.
И всё больней и интегральной
Я расстоянья ощущал.
Но пробегут по кругу сроки,
Которых нету на часах,
Очертятся другие строки
И на земле, и в небесах –
И встречу я тебя иною.
Средь успокоенных равнин
Ты будешь чьею-то женою,
Я буду – молодой блондин.
Как всякий, час тебе назначу,
И ты, как всякая, придешь.
Но я от счастья не заплачу,
Не вспыхнешь ты, услышав ложь.
Всё будет просто и понятно,
Прилично, скромно, и впотьмах,
И даже пятна, даже пятна
Не видны будут на щеках.

6-III-26 г.

ТРИОЛЕТ

Года, любовницы и книги
Дают нам мудрость седины,
Познания. Тяжкие вериги.
Любовницы, года и книги,
И страсти просветленной миги,
Лишь всплески буревой волны.
Года, любовницы и книги
Дают нам мудрость седины.

1927 г.

IV

ЗМИЙ

Текст к Сонате художника Н. К. Чурляниса

Allegro

Три Неба, три Двери, три Храма...

Воздух, Огонь и Вода

Смешаны.

Алчут стихии

Мер, воплощений и Слов!

Жажда познаний и воли

Гибкой струится рекою.

Три Неба, три Двери, три Солнца

Акведуком железным

Пронзил испытующий Змий.

Andante

В предвечный час Семи закатных звезд,

Который был, пребудет, но не есть,

Он отразил главу, хребет и хвост,

И трижды понял Смерть и власть и Весть!

Звёзды удилицем удит...

Затон зеленый властен тишиной,

Кифара льет молчанье литургий.

Над бледной, Сатурнической луной
Воздвигнул [...] ¹ Фаллус бог и Змий...
Времени нет. И не будет!

Звезды
Жертвенник Тем озаряют.
Темные птицы
Падшей Надежды мелькают.
Властвует Змий!
Времени больше не будет!

Хладны утесы,
Радостны райские кущи
Мира, титанного в малости...
Кто же глухие вопросы
Бросить посмеет
Взнесенному хладною мудростью
Над Одиноким и жалостью?
Чьи не ослепнут
Разум, очи и уши?
Властвует сон!
Тайна бесстыдней и глуше...

Finale

Три Солнца, три Солнца, три Солнца
Рекой обтекают утесы,
Три Неба, три Света, три Змия
Главу над Коронай возносят:

¹ Пропуск в оригинале. – *Сост.*

Стать навсегда,
Властной стопою прийти!
Блещет Звезда!
Храмы кадят на пути!
В славе безумной прийти!
Свет и Комета
Грозным венцом инфернальным
Тайну рожденья венчают.
Близится жизнь!
Время течет изначально.
Вопль!
Дух!
Змий!

май 27 г.

ОТРЫВОК СИМФОНИИ

Екатерине Таубер

Покой и мир душе скорбящей,
Покой и тишина.
Полночью тишиной звонящей
Земля окружена,
И близится к порогу Спящей
Безмолвная волна.

Не надо полночью глубокой
Тревожить черный ум

Ни злом, ни ревностью стоокой,
Ни роем мелких дум,
Пока не брызнет краснощекий
Дневной, весенний шум.

Когда внятнее вздох и малость,
И, лишний, свет потух,
Когда уходят гнев и жалость,
Деревенеет слух –
Тогда высокая усталость
Охватывает дух.

Взмывает в проблеск черно-синий
Холодная волна,
И влажно держит на вершине,
Чтоб опустить – без дна,
Где в темном иле, в древней тине,
Жемчужина ясна.

С зарей не слышен вопль отчаянья,
Петух заре поет,
Медлительней воспоминанья
Немилосердный лёт,
И сладок терпкий яд познания,
Как пчел язвящих мед.

Дек. 27 г.

СОКРОВИЩЕ

Сокровище мое в саду поддонном,
Куда ничей не проникает взгляд.
От солнца, человека и наяд
Чудовище хранит его бессонно.

И к логовищу тьмы, мечтой плененный,
Из мира солнца обращаю взгляд,
Но холода его мертвящий ад
Меня страшит. И отхожу, смятенный.

Преодолеть! И в глубь ледяных вод
Послать Ее, послушную Психею,
Да в темной битве смертью смерть убьет.

И жду Ее с добычею моею...
Но шелестит подслушанное Ею:
«Не возродится, аще не умрет».

23-IV-925 г.

БЛОНДИН

Когда огонь кипит в груди,
И в час, когда погас,
Минуты скорби и любви
Освобождают нас.

Как хорошо – гулять в саду,
И чувствовать: Один!
Я ни к кому не подойду,
Я – молодой блондин.
Другому тоже не понять –
Ни брат, ни враг, ни друг:
Я мыслью собственной, как в сеть,
Включен в безмолвный круг.
Пишу и ем, люблю и сплю,
Когда-то мог летать,
Но захлестнувшую петлю
Ни оборвать, ни снять.
Богат, как Крез, богат, как Красс,
Ва-банк веду игру,
Но с голоду который раз
Вот-вот, вот-вот умру.
Свобода тоже мне дана.
Вот выйду на балкон,
И вижу через стекло окна:
Там, за столом я – он.
Не он, а я – сухой блондин
С упрямым кадыком!
Но он один, и я один.
Скорей, скорее в дом!
Вот это – он. Вот это – я.
Он ввысь, я впереди –
За рубежами бытия,
Но здесь не подходи.
Когда огонь кипит в груди,
И в час, когда погас,

Минуты скорби и любви
Освобождают нас.

27-II-/4-V-26

НАДПИСЬ НА ФРОНТОНЕ

Здесь говорят о ненасущном хлебе.
Кто взять его готов,
Тот извлечет несправедливый жребий
Зверей, людей, богов.
Как зверь, он будет света сторониться,
И бегать от костров, как от чумы.
Но, тигр, змея, иль птица,
Он счастлив среди тьмы.
Не скажет он: Я недоволен, Боже –
Не равен я Тебе.
И мысль его клыков не потревожит –
Он завершен в себе.

Как человек, он станет беспощаден
К себе и к божеству,
Он будет расточителен и жаден,
Сопричаститель естеству.
Любовью загорится своевольной,
Но, на пороге снов,
Вдруг позавидует, неожиданно и невольно,
Простой любви скотов.
Захочет бегать непроглядной ночью,
Обнюхать каждый куст,

И подстеречь врага, и растерзать на клочья,
Узнать и ненависть, и месть воочью,
И пряной крови вкус.

Но божество, он будет вездесущим,
И всюду, и нигде,
Играющим, ликующим, поющим
В кукушкином гнезде.
И отмечая шаг тысячелетья,
Пресытись торжеством,
Захочет он, совсем по-человечьи,
Соприкоснуться с веществом.
И бременем пресытись воли яркой,
Припомнив власть вещей,
Он позавидует изменчивой, но жаркой
Простой любви людей...

Здесь говорят о ненасущном хлебе...
Кто взять его готов,
Тот извлечет несправедливый жребий
Людей, зверей, богов.

23-III-26 г.

ГОРОД

В широком круге диких пашен,
Где только плевелы растут,
Грозит венцами острых башен
Мой город, каменный сосуд.

Под утро солнце за полями,
Не умирное в ночи,
Над окаянными стенами
Протянет черные лучи.
Почти не видны в полдень бледный
Для человеческих очей
Собор надменный и победный,
Дворы из битых кирпичей,
И лишь в тени домов безгласных
Таится пепельный отсвет
До сумерек багрово-красных –
Полночи отошедшей след.
Народы и меридианы
Переместились на земле,
Но черным солнцем осиянный
Забытый город тонет в мгле.
Вдали его прошли пророки.
Ему года – без перемен.
Необъяснимые пороки
Клубятся в нишах этих стен.
И нет любви в его твердыне,
В полях, пустующих окрест:
Никто, никто его гордыне
Спасающий не бросил шест.
А по ночам грозитя тучам
Над городом бесславных дней
Отсветом праведным и жгучим
Звезда ненависти моей.

IX-X-1928

КОПЕТ-ДАГ

Романс

Звезда перестала быть видной,
Зашла за немые отроги.
Лишь ветер ущельем проходит
Движением мощно-ленивым,
Да прелюю пахнет травой.

Молчание. Звезды и камни.
И ветер минует ущелье...
Пустынным руслом каменистым
Вернемся к остывшим кострам,
Пойдем неспешащей стопой.

Фев. 1923 г.

МАДРИГАЛ

Е. А. Лебедевой-Павлович

На случай, что я позабуду
Свет солнца и пенье ключей,

Даны мне как ласка и чудо
Лучи этих тихих очей.

Когда бетонируют своды
Небесные, выпьют моря –

Заложницей тайной свободы
Пребудет мне взоров заря.

Глядясь в их живые глубины,
Припомню воочию я

И горного неба долины,
И сказочный ропот ручья...

1927

КЛЮЧИ

В каменном доме – тени столетья.
Полднями – солнце, полночью – хмарь,
Радостным утром прыгают дети,
Вечером поздним бродит ключарь.

Дверь затворяет. Ночь наступает.
Окна и щели и дверь – на запор!
Темное эхо замки повторяет,
И отвечает ключам коридор.

В комнате узкой жалобы скрипки.
Улица воет. Ключи под окном...

Девичий голос, ясный и зыбкий,
Медленно плачет моим стихом...

Март 1927 г.

КРЫМСКАЯ ПЕСНЬ

Плеск бурового прибоя
Точит мои берега.
Может быть, имя героя,
Может быть, имя врага
Он повторяет со мною?

Вопль неоконченной мести
Лижет мне сердце огнем.
Слаще отмщение лести...
Море твердит об одном
Голосом меди и жести.

ДОН РАМОН

Прекрасной навеки плененный,
Пришел я в условленный срок.
Ты ждешь и сегодня Рамона,
Рамон, покоренный, у ног.

Помнишь ли те вечера?
Сердце стучало всё ближе и ближе...

О, отвори же
Дверь, как вчера!
О, как вчера!
Да, как вчера!

Мадонна прохладной ладонью
Смежила соседкам глаза.
К ногам твоим падает, Донья,
Любви и тревоги слеза...

Помнишь ли те вечера?
Сердце стучало всё ближе и ближе...
О, отвори же
Дверь, как вчера!
О, как вчера!
Да, как вчера!

Я шел площадями с опаской,
Сжимая толедский кинжал.
Мне мнилось, что некто под маской
За мной всю дорогу бежал...

Помнишь ли те вечера?
Сердце стучало всё ближе и ближе...
О, отвори же
Дверь, как вчера!
О, как вчера!
Да, как вчера!

Движенья так странно знакомы,
Как будто бы брат мне родной...
Но страстным желаньем влекомый,
Я здесь и взываю: Открой!

Помнишь ли те вечера?
Сердце стучало всё ближе и ближе...
О, отвори же
Дверь, как вчера!
О, как вчера!
Да, как вчера!

АРИЯ МАСКИРОВАННОГО КАВАЛЕРА

Дон Рамон не будет на свиданьи!
Сталь моя ему пробила грудь!
Пить в ночи одни и те ж лобзанья
Двум невмочь – и здесь скрестился путь.

Кровию оплаченная ласка
Проклята, как и душа моя...
Пусть в Чистилище узнает в этой маске
Друга лет и обличит меня.

Ревностью не встанет к изголовью,
Чтоб не слышать бреда страстных губ.
Донна моя, скрой своей любовью:
В твой альков вступаю через труп!

ПАСТОРАЛЬ

В гирляндах роз
Моя избушка.
Средь резвых коз
Я жду, Пастушка.
Цветет Апрель
В лесу и поле...
Ах, Лионель!
Слышна чрез поле
Его свирель!

Мой Пастушок
Здесь на рассвете
Придет, у ног
Вздыхать о лете...
Но я весной
Его укрою:
Своей фатой
От зол и зноя,
В тиши лесной.

Моя любовь
Цветет фиалкой...
Ужель мне вновь
Грустить весталкой?
Но он идет,
В меня влюбленный,
И песнь поет,

И Купидонов
С ним хоровод.

Любовь моя,
Лесная радость.
С ним только я,
Весна и младость!

16-IV-27

ПОЭТ ЗАРЫТ...

Поэт зарыт. Смиранный прах
Не привлекает злобы боле.
Лишь ветер повторяет в поле
Мечты, сожженные в словах.
Дерзнет ли кто в степи ночной
Подслушать бедное наследье
И бурею угрюмой меди
Его плеснуть над головой?
Набат бессребренной руки,
В серебряные вкован строки,
Затих и горькие пески
Навек закрыли взор стоокий.
Творенья исхудалых рук,
Подъявших больше, чем вериги,
Не повторит ни сын, ни внук
По строчкам пожелтелой книги.
Его кадилиц легкий дым
– Предвосхищенья и угрозы,

По дремлющей листве березы
Струит к селениям иным.
В холодной и привычной мгле
Забыв, как пыль обычный, жребий.
Лишь звезды отражают в небе
Огонь, сожженный на земле.

31-X-26

ЧАЙ

Ее вуаль полна духов,
 Душа – стихов,
 Рот – слов.
Она пришла, как ветерок
 Среди дорог:
 Не в срок.
Но стало в комнате моей
 Чуть-чуть свежей,
 Нежней,
И ждал я беглость этих встреч,
 Без связи речь,
 Блеск плеч.
«Меня опять подвел трамвай.
 Сварите чай,
 Лентяй!
Скажите, где ваш портсигар?
 У вас угар?
 Пожар?!»

– Пожар в углах... Чьих-то губ...
Но он мне люб. –
«Как глуп!»
И смех разлился и померк:
«Придешь в четверг?»
Отверг.
«Не рассуждай и не ревнуй,
А поколдуй.
Целуй».
Ее шелка полны духов,
Душа – стихов,
Рот – слов.

ПОДАРОК

Уж я шью сорочку
Парню одному...
Вышиваю в строчку
Алую кайму,
По грудям цветочки.
К вороту тесьму.

Отвезет стремянный
Дар мой в даль степей...
Ты носи, желанный,
Дар тоски моей!
От кольчуги бранной
Охранит верней.

И от мести кровной,
От стрелы татар,
В распе многословной
Средь хмельных бояр
Сбережет любовный
Девичий мой дар –

Если с полонянкой
Мне не изменил,
Игры на полянке
С ладой не забыл,
Клятвы спозаранку,
В роще, не сломил...

ПОХВАЛА ХОРЕЮ

Е. Журавской

Прыгая через пеньки и кочки
Переборов, метров, падежей,
Затаил в угрюмой оболочке
Сотни омутов и рубежей.

Пляшущий, веселый, расторопный,
Поднимая ритмы на рога,
Он бежит волною пятистопной,
Размывающею берега,

Низвергаясь пенным водопадом,
Выгибая дуги до небес,

Рассыпаясь синеватым градом
Северных узорчатых словес.

А вкатившись на хребты крутые,
Возвращает в лоно всех морей
Воды многие и голубые
Расписной, бубенчатый хорей.

Приходи ж сюда с своим гаремом
Переменных и неверных стоп!
Закружи неистовым Мальстремом
Спелых звуков золотистый сноп!

Я тебе свою вверяю лодку
(Чтоб не поминать о челноке!),
И твою раздольную походку
Чувствую в алкающей руке.

И пока не позовет обратно
Твой собрат цевницею своей,
Я восславлю здесь, и многократно,
Лишь тебя, блистательный хорей.

15 июнь 27 г.

VI

ПОЛЕ ЗА БЕЛГРАДОМ

Тишь предвечерняя. Ветер порхает.
Полузаснул угасающий день.
Белые стены вдали отражают
Голубовато-зеленую тень.
Трав полевых аромат пресноватый.
Сплюснуто, солнце за далью полей
К неотвратимому льется закату
В блеске топаза и янтарей.
Так было вечно. Столетия мелькали,
А красоту равнодушной земли
Так же влюбленные благословляли,
И отлюбившие глухо кляли.

Июль 1923 г.

УТРО ОСЕНИ

На смене дней
Вздыхающая осень.
В прорез ветвей
Сильней и ярче просинь.

Ложится лист
С холодным мелким треском.
День, золотист,
Пылит за перелеском.

Душа легко
Впивает воздух синий.
Как молоко,
Туман течет в ложине.

Роса. Покой.
Закат пятнит кровавый
Бугры с травой
Зеленою и ржавой.

Чьи шаги
Взметают листьев ворох?
От чьей руки
В кустах невнятный шорох?

Мелькает тень
Иль вспугнутая птица?
Не летний ль день
В овраг под куст ложится?

Неясный звон,
Песнь ветра меж стволами.
Осенний сон
Глаза смежил крылами.

30-VIII-26 г.

ОСЕНЬ

Парк облетел. Ни души
На опустевших аллеях.
Чуть паутинкой белея,
Лужицы лист порошит.

Дождь набежал – и затих.
Ветер рванулся со вздохом.
Тянутся к солнечным крохам
Руки деревьев нагих.

Сонного дерева скрип,
Шелест листвы оскудевшей,
Шорох травы обгоревшей –
Пленный, скучающий хрип.

Тягостен двойственный срок;
Ночи и дни в колебаны.
Лето последним лобзаньем
Хладных касается щек.

Лишь на скамейке глухой,
На покоробленном лаке
Врезаны имя и знаки:
Сердце пробито стрелой.

За облетевшим кустом,
Желтым бурей нарядом,

Ждет со слезящимся взглядом
Осень с дырявым зонтом.

7-XI-26 г.

ЛЕСНОЙ ВЕТЕР **Начало сказки**

Корни качая,
Вьет, ворошит бурелом,
В луг выбегая
Вкось по снегам – помелом,
Вниз – ходуном,
Плача зайчонком и лая,
Миг – и столбом,
Вдаль, к деревням засыпая.

Дремлют деревни
Сном голубым и чужим,
Повестью древней
Ветер мерещится им.
Стелется дым.
Снег фиолетов вечерний.
Слышны шаги!
Сердце звучит суеверней...

1926 г.

ПСАЛОМ ВЕЧЕРНИЙ

Н. Рериху

Холодеет закат у багряной опушки,
И деревья из рук изумленно роняют хвою,
Под корягой лесной не гуторят лягушки,
Просыпается ночь в нелюдимом и дремном краю.

Подойдем в этот час, в этот миг невозвратный
К заржавелым камням, что недвижно в болото глядят.
Созерцая, как тонут багровые пятна,
И года убегают в бессмертный и влажный закат.

Над прозрачным ключом, надо пнем обомшелым,
Где толпятся опенки и алый горит мухомор,
Начертим заклинанье, и жестом несмелым
Всем Согласием благословим цепенеющий бор.

Далеко отошло и умолкло страданье,
Набегающий дождь пеленой укрывает луну,
И смиренным моленьем травы и молчанья
Мы на землю вернем навсегда, навсегда тишину.

Июнь 28 г.

ЭПИТАФИЯ СЕБЕ

Бежав от бурь из дома отчего,
И впавши в плен иных борений,
Здесь погребен редактор «ЗОДЧЕГО»,
При жизни звавшийся: «ЕВГЕНИЙ».

Украшен холм над плотью брэнною
– Как знак, что вещей голос замер, –
Колонною усекновенною
(Бетон, отделанный под мрамор).

Прохожий, стой! О всех запытанных
Молись над ранним прахом скифа!
Но вместо кондаков зачитанных
Твори: «МОЛЧАНЬЕ» и «СИЗИФА»...

3-XI-27 г.

СТИХИ О ПОГОДЕ

**Пьесы 1930–1940 гг.
(Белград, 1940)**

Что ж всё погоду описывать!

И. А. Бунин

* * *

Хочу тебя отговорить
За мной в высокий луг ходить.

Там ветрено, журчит трава,
От дум кружится голова,

И всё, должно быть, сон и бред.
Для рук твоих там жатвы нет,

А руки мне твои нужны
Для дел житейских, дней войны.

Вернись в наш опустелый дом,
Ты мне нужна, мила мне в нем.

Когда ж сойду с крутой стези,
Увижу вновь тебя вблизи,

О том, что встретил я на ней,
Я расскажу тебе позднеей.

РАВНИНЫ

Осень да ливень. Поляна ровна.
В низкую тучу зарылась луна,

И, оседая на мокрый овин,
Бабой кривою глядит через тын.

Там, на ветру, в армяке, за кустом
Чучело зябко трясет рукавом:

То ли грозитя, иль дождь надоел –
Машет рукою на вдовый удел.

Только ущербная молча глядит,
А из-под туч до утра моросит.

* * *

Солнце заходило за леса,
В роще погасали голоса.

Жаворонка жалобную трель
Повторяла дольняя свирель.

В заводи аукнул водяной:
Солнце опустилось на покой.

Голуби возились в голубятне.
Тени становились непонятней:

Кто-то перекресток пересек,
Может, ведьма, может, человек.

В воздухе упорней и внятней
Думы о покинутой, о ней.

ПАХАРЬ

Вот пахарь, как добрая сила,
Упорно за плугом идет,
И косную, милую землю
Легко и небольно гнетет.

Он теплую толщу взрывает
И будит от темного сна.
Она перед ним раскрывает
С доверьем свои ложесна.

Гремит с облаков огневица,
Смущая уклад полевой,
Летят вороненные птицы
Над смертно дрожащей землей.

Он крестит ее бороздами,
Смиряет заклатьем глухим,
Венчает ее семенами,
И молится сильным, святым,

Домашним, своим, бородатым,
Сошедшим на землю ночью,
Радетельным к избам и хатам.
Вот к этому он мужичью –

Чтоб их благодать сохранила
От бедствий взыскающий дол,
Чтоб пахарь, как добрая сила,
Спокойно полями прошел.

РОЖЬ

Вот в этой ржи когда-то бой кипел
С засадою, залегшей в хлебной пыли...
Густую цепь поймавши на прицел,
Как зрелый хлеб из-за стеблей косили.

Там, на меже, злобился пулемет
Всё яростней, безжалостней, скорее,
Сестра лила на ребра черный йод.
Но, отступив, бежали батареи,
И пронеслись по размозженным лбам,
И паника срывала им кокарды.

Провыл норд-ост по выбитым хлебам
Тот реквием, что не пропели барды,
Ряды стеблей добил степной мороз.

Покрытое осколками латуни,
И шрамами от вдавленных колес,
Непахано, лежало поле втуне.

Но паводком спадающей волны
Кровавое сравняло чрезполосье.
И вот опять, среди лебеды, скудны,
Там, за межой, качаются колосья.

СВОБОДА

Свобода! За что же? Когда же?
Ты снова, как прежде, важна,
Когда я был проще. И, даже,
Теперь ты мне больше нужна.

Ведь я полюбил несвободу,
Ищу загородок, ярма,
Удобна в любую погоду
Моя золотая тюрьма.

За что же я брошен? Ведь я же
С тобою хотел пошутить,
И вот на публичной продаже
Стоишь ты, и хочешь не быть.

Мне быть, или нет? Не купили,
Но продали всё же тебя,
И ты уже в автомобиле,
И я за тобой, не любя.

ДИФИРАМБ

Одну тебя я не предал,
О, муза вешних лет.
Еще неслышную искал,
Тропил твой хрупкий след.

Кипела черная пурга
Над детской головой,
Но вслед тебе цвели снега
Зеленой муравой.

Ты удалялась. От тебя
Я ускользал на миг.
Но снова, струны теребя,
Мнил, что теперь настиг.

Средь холода, средь пустоты
Арктических ночей
Я не предам: за то, что ты
Родных моих полей

– И прозорлива, и грозна –
Излюбленная дочь,
Одна, которой не страшна
Арктическая ночь.

ЭХО

Все мимо; твари и предметы
Летят, плывут в высокий порт,
Спешат от добровольной Леты,
Где я лежу, один, простерт.

В азийской лени, в полудреме
Лежу в беспамятстве потерь,

И миф о погорелом доме
Всё реже снится мне теперь.

Уж недотыкомкою скука
Сидит в возглавии моем.
Так благодушно жмет мне руку,
Так мягко говорит: «Уснем,

Хлебнем последнюю утеху».
Но в сумерках, в полубреду
Я внемлю ангельскому эху
В моем обугленном Аду.

РЕБЕНОК

Как же его не любить,
Когда не любить невозможно?
Его надо на руках носить
Высоко и осторожно.

Он для меня травка, куст,
Где птица беспечно щебечет,
Без него этот мир стал бы пуст.
А кто же пустоту излечит?

И если его не любить
Хоть сердцем, от вражды усталым,
То он не захочет быть
В доме, где любви так мало,

И улетит голубою звездой
К светлой стезе бездорожной,
Куда нужно стремиться душой,
Но достичь – невозможно.

ДРУЖБА

Сквозь бурю, сквозь годы я слышу твой дружеский
голос,
Как слушал когда-то за мирной беседой вдвоем
На маленькой даче, и в поле, в бою безнадежном,
Когда шевелился, как ком, нарастающий страх.

Как часто искал я призыва, привета, касанья
Спокойных и верных твоих ободряющих рук
И как без ошибки всегда твой ответ узнавал я:
Порой из оркестра, иль в рукопожатьи врага.

А ныне – какие счастливые вихри бросают
Нас снова друг другу. Откуда? Надолго ль? Зачем?
Ты друг непонятный, быть может, поэтому близкий,
Как близки орбиты смещенных, заблудших комет.

NATURE MORTE

Угол желтеньких стен. На латунном болте
Галстук, воротничок, пожилой, но крахмальный,
Полинялый флажок, дань скупая мечте,
Да обрывок фаты (котильонной, венчальной?).

А у притолки слон, сувенирчик соседки,
Одинокая книга, записка на самом краю,
И пучок иммортелей слишком яркой расцветки.
О, прикрытая бедность, тебя ль благодарно пою?

БЕССОННИЦА

Сплетает ночь свои тенета
Всё гуще, ниже над землей,
Уже не видно переплета
Оконной рамы предо мной,
Покрыли твердь сырые тучи,
В лесах, на водах пелена,
И с думой темной и дремучей
Душа во сне обручена.

Заботы, страстные тревоги
Гнетут в арктическую ночь,
И бденье снова на пороге
Стоит, и не уходит прочь,
Чтоб слышал я, единокровный
Юдоли скорбного греха,
И шум хлебов, и вскрик любовный,
И первый окрик петуха.

ВОСЬМИСТИШИЯ

I

Я знаю, что на родину приду
Не в добрый час. В ночной дороге
Сполохи будут полыхать на льду.
Сухой мороз скует мне ноги,
И будет всё озарено кругом
Свечением белесоватым.
Так возвращусь я в оскуделый дом
К неизменяющим пенатам.

II

Владимиру Смоленскому

Не торопитесь на пути земном
Уйти из этой полосы грозовой:
Пусть догоняет за плечами гром
И полыхают пламенные зовы.
Они пройдут над нашей головой
В неповторимый миг пресуществленья
И огненной, карающей рукой
Нас, может быть, настигнет вдохновенье.

III

Мне служит европейская культура,
Натренирована мускулатура,
Но смертная душа моя больна.

Я ей пишу горчайшие рецепты.
Она не хочет горестных лекарств,
Она не хочет прокаженных царств,
И жаждет только милосердной лепты,
Клонясь, в слезах, у райского окна.

ЕСЕНИН, МАЯКОВСКИЙ

О верном часе смены дня и мрака
Не скажут нам ни числа, ни весы.
В предутренние робкие часы
Не бодрствуйте, не ожидайте знака.

Вдруг он подскажет, что одна минута
Нас отделяет от блаженных рек?
Не попадайтесь в призрачные пути,
Не ускоряйте безоглядный бег.

Вот: в этот скорбный полумрак нестройно
Врывается музыка диких сфер –
И выход нам сулят благопристойный
Ремень от чемодана, револьвер.

Когда секунды тупо отсекают
От целого ряда частиц сухих,
Засните глубже: душу настигают
Мгновения, опаснее других.

ГЕРОЮ

Выйди на последнее свиданье:
Преображена судьба твоя –
Ширится твое существованье
За пределы скованного «я».

Ты готов ли к смертному боротью?
Может быть, и нет: «она» страшна.
Как трепещешь ты скудельной плотью,
Потрясенный до корней, до дна!

Миг один – и ты бездумно прянешь;
Кровь свою, как дар земле, лия,
Ты падешь, умрешь, и не восстанешь
В жажде истинного бытия.

МЕЧ

Неведенья тревожа сны,
Летя в набег, в ночную битву,
Страданием вооружены,
Спешим в нездешнюю ловитву

За душами. Не мир, но меч!
Готовьтесь, братия и сестры:
Он радостью бескровных сеч
Грозится, обоюдоострый.

Вы не страшитесь. Так крепки
Устои ваших вечных будней,
Что взмах неистой руки
Ложится, точно бритва в студне:

Вы невредимы. Вот рассвет –
Мир неприкосновенно прочен.
Меч был лишь против нас отточен,
Вам он – врачующий ланцет.

Для вас лечение, режим
Приятный, отдых безусловный.
Мы обескровленной – бескровной,
Но вольной жертвою лежим.

ХОРАЛ

Огорчайтесь, чаще огорчайтесь.

Чаще приносите гекатомбы
Собственных сердец на алтари,
Глубже погружайтесь в катакомбы
Вечности, чтоб видеть свет зари.

Укрывайтесь светоносной тьмою,
Расточайте бранные сердца,
Уводите души за собою
В горние селенья, в дом Отца.

НОКТЮРН ДУШЕ

О, если б знала ты, мой бледный друг,
Как утомителен ночной испуг,

Когда в смятении лежу, дрожа?
Ты не тревожишься, ты спишь, душа,

И, погрузив лицо в прозрачный мрак,
Не хочешь знать, – какой подходит враг,

Что у тебя он может отобрать,
И как мне хочется, как ты, свернувшись, спать,

Какую злобу я в тебе ношу,
Каким я воздухом всю ночь дышу.

* * *

Как горестно бледное небо
Вдали над равнинным востоком,
Как медленно сизые тучи
Его задвигают от нас.
Как будто последняя треба
Отходит в молчаньи высоком,
И дым синевато-летучий
Клубит над костром. Он погас,

А запад неистово золот,
И краски, неправдоподобны,
Румяным, багряным свеченьем
Слепят недоверчивый взгляд.
Мир, светом и мраком расколот,
Лежит, точно камень надгробный.
Каким же еще обольщеньем
Обманет румяный закат?

* * *

Подчас мы взываем
К каким-то вершинам глухим,
Порой обмираем
Со страху растаять, как дым,
Порою стремимся
В какой-то ненадобный бой,
И славою льстимся,
Пытаясь покончить с собой.
Пред исчезновеньем
Мы тешим несытую плоть
Худым наслажденьем –
Романсами, женщиной хоть.
Скудельность сосуда,
А в голосе скорбная медь...
Достойны ль мы чуда?
Нас не за что даже жалеть.

СТИХИ О ХОРОШЕЙ ПОГОДЕ

Ведь ты не поедешь на дачу,
Я тоже, ни к морю, ни в горы,
Обоим к романам в придачу
Нам будет и кстати и впору...
Нам надо другого. Придумав
Занятные притчи о шумах
Тайги, океанов, ветров,

Нам надо поверить природе
(Но климат немного исправить:
Порою бывает сиверко),
Поверить прельщению слов,
А слух оглушенный направить
На сшитые ближним по мерке
Стихи о хорошей погоде,
О северном шуме дубров.

* * *

Художн. Вас. Резникову

Нет времени в безвыходных стенах
Средь городской асфальтовой отравы –
Клочки садов, раздавленных в камнях,
Кусты, деревья, ропщущие травы.

Осенняя листва еще свежа,
И корни пьют скудеющие соки,

Но лето спит, усталый взор смежа,
И спит весна, вкушая сон высокий.

Им снится снег, летейская зима,
Дождь и потоп, и тайный голос вьюги,
И гибель детища, и полутьма:
Весенний сад в арктической кольчуге.

Напрасно гроздя ждут еще тепла,
И яблони налива тщетно просят:
Их мутный снег, седая пыль заносят,
Валясь на ледяные зеркала.

ДОЛГАЯ ОСЕНЬ

Мы с летом нынче не встречались.
– Холодный дождь и мгла седая –
Нам осень долгая досталась,
Зеленая и золотая.

Вдыхайте этот воздух пряный,
Медлительный, светло-багряный:
Вы скоро встретитесь с самою
Хозяйкою земли, зимою.

ГОРОДСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Г-же Л. М. И.

Давно уже не видно мне ни ветки
Из моего замгленного окна;
Перед прокуренной чердачной клеткой
Растет – цветет кирпичная стена,
Да крыши скат с дымящею трубою
(За ней луна живет по временам),
В зените тучи дыбятся гурьбою,
В надире двор бульжный. По утрам
Над крытым черепицей косогором
Сквозит заря и слышен гам грачей.
Там глупым, но животворящим хором
Они поют уют нагих ветвей.
Внизу шумят, внизу пекут олады,
Внизу грачи спешат к своим делам,
А лунный ком, как дымное исчадьё,
Мутнея, исчезает по утрам.

ЭЛЕГИЯ

Я полюбил беседы о погоде,
О родственниках, жалованье, снах.
Ни резким взлетам, ни большой невзгоде
Нет места в наших дружеских речах.

Мы безобидно обо всем толкуем:
Что пишут, как устроиться прочней,

Как сделаться пейзажем, иль буржуем,
И чем заполнить счастье наших дней.

Припоминая важный стих латинский,
Мы радуемся – всё прошло давно,
И также канут Сирин и Ладинский
На вечное, укатанное дно.

Поменьше вечности! Высоким раем
Не совратить наш укрепленный дом,
Мы обволакиваем, обтекаем
Всё острое, опасное кругом,

И просто отмыкаем всякий ларчик:
Шкаф несгораемый, и спальню, и киот,
Наш беженский помятый самоварчик
Покорно подвывает и поет,

Урчит о том, как наше бремя просто,
Когда насыпана над жизнью гать,
Как бодро от купели до погоста
Способны мы по жизни прошагать,

Не позавидовав тем донкихотам,
Что жить хотят на сказочной звезде,
Сражаться, ссориться, служить оплотом.
Смышленные, мы можем жить везде,

Чтоб быть, как все, толкуя о погоде,
О правильной житейской полосе,

О женщинах, о братстве и свободе,
О счастья быть, как все.

СЕВЕР

Владиславу Ходасевичу (†)

Здесь всё кругом необычайно:
Цветок несеянный, ничей,
Благоухающий случайно,
Глядит, как девушка, в ручей.

Ручей спешит чрез пни и корни
Вдоль по овражкам кувырком,
И всё невнятной, всё проворней
Бормочет дремным говорком.

Когда же облака, неспешно
Столпившись, моросить начнут,
Заплачет ветер безутешно,
То солнце, выбившись из пут,

Сквозь дождь прохладный и стеклянный
За речкой радуго прольет,
И вновь над ясною поляной
Безмолвие стоит и ждет,

Стоит и ждет в глуши дремотной,
Как заclubится светлый свод,

Как сонм стогласый и бесплотный
По этой радуге сойдет.

* * *

За ломоть хлеба,
Горсть медяков –
Свершаю требы
Для бедняков.

В чужой квартире
Брожу давно –
В подлунном мире,
Где так темно,

В таком немиллом,
В таком лихом –
Как поп с кропилом
В дому пустом.

И всё строенье,
Все уголки,
Ждут окропленья
Моей руки.

Кроплю умело:
Вперед – назад.
Мне что за дело?
Всё: «свят» да «свят».

Здесь я нахлебник,
Приход чужой,
Развернут требник –
Кади да пой.

ПИСЬМОВНИК

Который раз уже сажусь
Терзать заученный письмовник.
Пошлю письмо тебе, божусь,
В хлев, Дульцинея, в твой коровник.
Так перепишем наизусть:
Нет, муза, я не твой любовник.

Ты назвалась моей женой,
Но то было до катастрофы...
Нет, лживый стиль письма не мой:
Описки, титлы, апострофы...
Прости – я посвятил другой
Любви томительные строфы.

ПОЭТЫ

Они узнавали друг друга по ветхой одежде,
По дикому взгляду и хрупким рукам; прикасаясь,
Хотели поверить в бесплотность, и тайну, и радость.
И Ангелами называли друг друга в надежде.
Но страх за себя подрезал, и томила усталость,
И темные крылья стихий вырастали за ними.

Когда же потом признавались в смертельной болезни
Своей и томительной злобе, то снова пугались,
И глухо кричали друг другу: «Исчезни! Исчезни!»
И врозь расходились к делам суеты и печали,
Лишь свет унося на душе, осужденной трикратно,
Которого не было прежде, им непонятный.

* * *

Ночное небо всем открыто,
Как пропасть. Лишний свет погас.
Но вы, бродяги и пииты,
Смотрите в землю в этот час:

Тускнеют ясные предметы,
Имеющие вес и цель,
Нам ближе бледные кометы,
Их солнечная карусель,

Нас Млечный Путь для высших истин
Ведет прозрачную тропой.
И вот – невиден, ненавистен
Простой и твердый путь земной.

Всё подымается. Ступени
Всё зыбче. Мы перед крыльцом,
Но вниз с порога откровений
В трясины падаем лицом.

Нам не очнуться, не подняться,
Не отряхнуть земную грязь.
Нам только смутно звезды снятся,
Как полыхают и грозятся,
В пространствах сумрачных кружась.

К ПОРТРЕТУ

Он цензор был и дипломат,
Молчальник, мыслей укрыватель;
Стихиям сын, и бурям брат
И смутного повествователь.

Бесстрастно замкнут страстный рот,
И в складке уст хаос и буря,
Уничтожение и взлет.
И так нелепа надпись: «Тюря»,

Что значит: «Тютчев». Косный взмах
Его руки чертил обломки
Имен и знаков. Но в стихах
Со страхом поздние потомки
Расслышат уж за рубежом
Архистратига трубный гром.

Так, созерцая обе бездны,
И знание тяжкое влача
С любовью злой и бесполезной,
Он шел, пифийски бормоча.

А здесь – в спокойные очки
Почти невидные зрачки
Следят, как злоба дню довлеет,
И медленно проходит Рок.
Как бы всклокоченный венчик
На голове его седеет.

* * *

И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

Баратынский

Оставь меня, девушка, нимфа: ты слишком красива,
Ты требуешь чувств, которых я дать не хочу.
Я слышу, как мир истощается в смертном распаде,
Как атомы стонут, взрываясь, безмерно плывут,
И время разъялось на точные краткие годы,
Сорвавшись, не может вернуться к истокам своим.

Оставь меня, муза! Я слушаю медленный хаос.
Чтоб скука и ужас не вдруг одолели меня,
Я выдумал в детстве себе смешное занятие:
Соперником стал, пустосвятом на этой земле.

Вот ветер и волны включаются в мерные ритмы,
Моря на полотнах вздыхают, играют с землей,
А бури, как песня, проходят над лунной пучиной,
Я вновь возвращаю к истокам его – естество.

Оставь меня в мире излишнем, смешном, иллюзорном,
Небратском, безлюбом, преступном, но всё же моем.

СО-ВЕСТЬ

Иду по чуждому предместью,
Бужу встревоженных людей,
Хочу пронзить их острой вестью
С бескровной родины моей.

Несусь, смятенный и крылатый,
Среди затворенных домов,
Высматриваю, соглядатай,
Ловец зверей, страстей, умов.

Живущее боится смерти,
И все бегут моих словес,
Как вести в траурном конверте,
В спасительные дебри, в лес.

Как гром над голой головою,
Страшит их заостренный стих,
Звенит грозящей тетивою
Глагол, зловещий для чужих.

* * *

И в этот мир приходят новоселы,
Смышленный, тренированный народ,
Я и себе товарищ невеселый,
Ну, кто из них меня с собой возьмет?

Кто руку даст? Кто мне подаст напиться,
Когда свалюсь? А если воспую,
Кто ленточкой в заштопанной петлице
Отметит преданную грудь мою?

И я бреду с протянутой ладонью,
Неумный и условный Агасфер,
А те пройдут с трехрядною гармонью,
Оставив мне мою музыку сфер.

Она плывет уже, растет стеною,
Дышать и жить давно мешая мне,
Она встает меж непокорным мною,
И страстным миром, где бессмертья нет,

Но есть вода, трава, и есть забвеньё.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

СИЗИФ

Работай, работай, работай,
Чеканя слова и бетон,
Пока не обнимет дремотой
Короткий, прощающий сон,
Пока не возьмет под воскрылье,
Ведя по заветным местам,
Над кровью, над пылью, над былью,
По звездным высоким мостам.
Далеко внизу, под пятою,
Где в бездне зияют поля,
Увидишь, что взрыто тобою
И как отвечает Земля,
И всё, что живет и убито,
Что создано властной борьбой;
Увидишь дворцы из гранита
И битвы пожаров с водой.
Твоими руками, твоими
Мир полон, как водоем,
Но имя, но имя, но имя
Чужое увидишь на всем.
Тогда, одурманясь дремотой,
Проснись и опять, без конца,

Работай, работай, работай,
Творя для иного венца.

ПОЦЕЛУЙ

За косогором хор фабричных глоток
По гулким рощам вопль еще бросал,
Но вечер был неизреченно кроток,
Но вечер был – стихающий хорал.

Так было, иль казалось так, за садом,
Там, на скамье из дерна и земли,
Где двое встретились упорным взглядом
И оторваться больше не могли.

Сгущались тени. В воздухе лиловом,
Где вестником казался каждый куст,
Он видел плечи под платком суровым
И абрис замолчавших влажных уст...

О, рук, сердец и губ оцепененье!
Но нежной важностью струился взгляд,
И вечность разверзалась во мгновеньи,
И время запрокинулось назад.

Разгадывая строгих глаз загадки,
Он наклонился, жаждою томим,
И первый поцелуй, немой и краткий,
Остался навсегда неповторим.

ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОД

Твое окно закат зажег пожаром.
Давно угасли блики на реке,
Незримый сон ложится зримым паром,
Твое окно сияет вдалеке.
В вечернем воздухе, густом и гулком,
Над пыльной площадью и над толпой
Твое окно, за дальним переулком,
Одно горит играющей звездой.
Волшебство тьмы сиреневою тушью
Чернит дворы и улицы подряд...
Я не пойду проулочною глушью,
Над бездной города бросаю взгляд –
И ночь моя становится игрою:
Нет знаменья, но знамений хочу!..
И я дождусь, что полночь над землею
Развесит звезд холодную парчу.
Тогда, взволнованный ночным движеньем,
И разгоняя синь и ложь теней,
Ответит город пылким отраженьем
Своих огней, лучей, оранжерей.
Тогда, над дремлющим вдали предместьем,
За парком лип, где влажно и темно,
Упавшим мне привидится созвездьем
Фонарь, и бар, и яркое окно.
Я различу кругом другие знаки:
Созвездья Ориона и Венца
Пройдут в отображенном Зодиаке,
Горя и потухая без конца.

Когда же ночь в бунтующем весельи
Умрет, вздохнув, созвездья погасив,
И трезвый день заменит ожерелья
Из фонарей просторных перспектив –
Тогда вокруг погасшего за садом,
В ночи, окна, как безотчетный крик,
Над морем крыш скользя ответным взглядом,
Созвездье Девы явится на миг.

МОЛЕНИЕ О ЧУДЕ

В глухом полусумраке храма оплывшие зыблились
свечи,
Роптал и молитвенно вился вздыхающий клирос.
Угрюмый блондин у колонн прислонил ослабевшие
плечи,
И плакал о том, что чудо любви не свершилось.

В златом алтаре осиянном седой и нестарый
священник
В смятеньи протягивал длань меж землю и небом:
Не верил, опять не поверил он, тленного знания
пленник,
И Жертва осталась сухим и черствеющим хлебом.

Он так заклинал, чтобы семя соделалось кровью
и плотью...
В смятении слушал вздыхавший молитвами клирос,

И снова крестился: двуперстно, перстами пятью
и щепотью.

Но он не поверил, и чудо любви не свершилось.

Она не хотела поверить, что он самый лучший
и смелый,

Герой, победитель драконов, и ратей, и воинств,
Неузнанный викинг, способный на властное слово
и дело,

Носитель идеи и славы, богатств и достоинств.

А он так стремился и так простодушно по-детски
не хитро...

Аллея берез, как цветы и луна, обманула,
Альты Херувимской звенели неверной игрою
Анитры,

Она не поверила, чудо любви не сверкнуло.

Один у холодной колонны, другой за узорною
дверцей

Внимали, как вился и падал рокочущий клирос.

Надежда еще не согрела им страстное сердце,

И глухо рыдали, что чудо любви не свершилось.

УТВЕРЖДЕНИЕ

Инж. А. В. М.

Для нерожденных поколений,
Для всех наследников земли,
Бьет бурный гейзер вдохновений,
И гибнут в битвах короли.
Я не хочу служить моделью
Для красок, перьев, иль резца;
Не средством быть хочу, а целью,
И воплощаться без конца
Не только в детях, иль картинах,
Как женщина, но как творец:
В бойницах, в храмах, в гильотинах.
И сам хочу сплести венец!
И там, где мечутся циклоны,
Где плесень гроба и бунты,
Родятся четкие законы,
Возникнут книги и мосты.
Так утверждать себя хочу я
На перекрестках всех путей,
Но в сладкогласных алилуий,
Но силой жизни и смертей.

* * *

Кто полюбил на миг, тот разлюбить не может
Твоих полей и тундр, безвыходный простор.
Кому шептал в ночи свои сказанья бор,
Кто в белизну твоих поверил колоколен,

Тот обречен навек: и за морем тревожит
Колюче-светлый нимб тернового венца,
И жалость гневная, и жалость без конца;
Тот позабыть тебя и оттолкнуть не волен.

Я разлюбил тебя. За то, что ты умрешь.
За то, что высохла в твоих колосьях рожь.
За то, что позабыл тебя в молитвах Бог,

Что сожжена моя в твоих снегах душа...
За то, что жить хочу, да, жить хочу, греша!
За то, что жить, любя, я без тебя б не мог.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Г-же Л. М. И.

Ни петь, ни любить не устану
Блистательный вешний восход,
Хоть знаю, что новые раны
Весна за весною несет,

Хоть помню, что новою ложью
Солжет вереница ночей –
Опять припадаю к подножью
Пустых, но святых алтарей.

Взвивайся же, лейся и вейся,
Пленительный радостный звон,
С высокого неба пролейся,
Смывая морщины времен –

Навстречу играющей жизни
Прообразом крови-руды,
Нахмурься, засмейся и брызни
Потоком лучистой воды.

МОЛЧАНИЕ

Мы знаем друг о друге мало
(Когда б ты знал, ты б говорил).
Порой речей твоих начало
Мерцает, точно шорох крыл;
Тогда готов кричать от боли
Крылатой, страстно-огневой,
И странно мне в сырой юдоли,
Моею названной землей.
Когда же тяжкое молчанье
Один не в силах я снести,
Пытаюсь я твое мерцанье
На свой язык перевести;

Кричу тогда мольбой, войною,
Пожарами среди черной тьмы,
Любовью, кровью и божбою,
Гранитом храма и тюрьмы.
И долго говорю. И много.
Порою как смешной ответ
На мой вопрос, прямой и строгий,
Показывают пистолет,
Да время чашей голубую
В безгласной тонет глубине.

.....

Я часто говорю с тобою,
Но ты не отвечаешь мне.

* * *

Любовь, где двое победители,
Звездой зовет через века;
Не отыскать путеводителя,
Дорога зла и далека...
Посмотрит птицей или гадиной
Из-за оплеванных камней?
С какой очередной ссадиной
Проводит лживый Гименей?
Быть может, доведет оскомины
Любви? Иль случай? Иль жена?
Но счастья тайная хоромина
Век – сокровенна и темна.

И много, много искалеченных,
Восторгом выветривших грудь,
Печатью Якова отмеченных,
С проклятьем продолжают путь,
Затем, что в сумерки рожденные
Под знаком алчущей жены
Любовь, где оба побежденные,
Перебороть обречены.
Но кто-то может над провалами,
По краю выйти на простор;
Другой ладонями усталыми
Заплаканный укроет взор.
Над пропастью взмывая птицею
– Пускай безумье, иль свинец –
Но каждый смелою десницею
Обязан вырвать свой венец.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Я говорю о нежности и славе.
И речь моя проста и хороша,
Когда бреду по выбитой отаве,
Кровавый прах слезами пороша.

И моря плеск, и всё разноголосье
Зверей и птиц – один согласный хор,
И мне вослед опять цветут колосья,
В лучах звезды купая свой ковер.

Я не могу не видеть ран кровавых.
Но о судьбе, что брезжит впереди,
Не умолчу, и в гимнах величавых
Я буду петь во весь размах груди.

За облака дыша свои куренья,
Поет земля простором всех полей,
И в тихий час вечернего моления
Благословляю землю и людей!

Стокрылыми взывая голосами
Над кровлей городов и деревень,
Под голубыми снова небесами,
Я возвещаю обновленный день.

ОТЛИВ

В час покоя, в час отлива,
Землю звезды стерегут,
И луна влачит лениво
По морям серебристый жгут.

Разлюбивший и убогий,
Не своди угрюмых глаз
С посеребренной дороги:
Этот путь один для нас.

Пусть дневная половина
Сна не в силах побороть,

Но питает пуповина
Отделившуюся плоть.

Пей крепительное семя
Торжествующей луны,
Слушай, как уходит время,
Как бессмысленно-вольны

Пляшут пенные заливки
Убывающих валов,
И уносят вдаль отрывки
Мыслей, жалоб и стихов –

В глубь отлива, в ширь покоя,
К звездной пламенной толпе,
Стережущей дно земное
На серебряной тропе.

ЭФЕМЕРИДА

Что-то кружит, что-то вьется,
Налетает и щекочет,
Что-то в руки не дается
И отдаться в руки хочет.
Не лови. Сожжет обидой
И отравит терпкой болью:
Грезится эфемеридой,
Схватишь – станет пыльной молюю.

МАЛОДУШЬЕ

Мне жаль кораблей,
Нагруженных сочной едою,
И жалко людей,
Идущих ко дну чередою.

Еще я плыву,
И держит меня малодушье.
Как бред наяву,
Сжимает мне горло удушье.

Оружье врагов
Опять вокруг меня полыхает,
Гряды берегов
Дробится вдали, опадает.

Куда ни причаль,
Не выйдешь на верную сушу.
Большая печаль
Снедает мне малую душу.

1942

ПЕРЕВОДЫ С СЕРБСКОГО

МИЛОШ ВИДАКОВИЧ
(1891–1915)

ПЛАЧ МАРГИТЫ

Ветер ей был побратим, был ей друг.
Он лишь, дыша неизбывной бедою,
Слушал, когда с расплетенной косою,
В полночь бросала свой плач и испуг.

Да перепуганный месяца взор
Между разорванными облаками
Видел ее, как бежала полями,
Плача, одна, про беду и позор.

Вспомнивши блеск, то вспоет, то завоет,
Мертвых напрасно сзывает героев:
Банович... где вы, Орлович и Юг?

Боль одиночества давит и душит –
Мертвы, кто мог бы помочь и послушать.
Ветер один побратим ей и друг.

СКАДР

Кольцом легенд неясных окруженный
Над озером меж спящими брегами,
С свирепыми над воротами львами,
Как город сказки, Скадр, средь гор взнесенный

Под грудю облаков могучей силой.
У ног его вода, мутнея, плещет,
И в муть глядится лик его зловещий,
Воздвигнут над изменой и могилой.

А тишина над ним как птица, кружит...
Но кто, над берегом склонившись, тужит?
Не Гойко ль плачет? Гойко плачет, млад,

Невесту вспоминая дорогую,
Чью плоть замуровали молодую,
Чтоб вечен был бы Скадр, несчастья град.

«НАРОДЫ И МЕРИДИАНЫ ПЕРЕМЕСТИЛИСЬ НА ЗЕМЛЕ...»

Перед внимательным читателем стихи поэта приподнимут темную завесу, прикрывающую его личность и думы, однако скрытым останется жизненный путь русского беженца-эмигранта. Очень мало уцелело пестрых камушков, чтобы восстановить мозаику – жизнь этого поэта и чудака. Поэтому нам остается показать лишь то, что сохранилось в документах и в памяти современников, – схематично, хронологически разложить «камушки». И да не осудит нас читатель за кажущуюся их незначительность. Всё это собиралось на протяжении нескольких десятков лет, просеивать и отбрасывать было жалко...

Евгений Михайлович Кискевич родился в 1888 году (в некоторых источниках указан 1891 г.¹). Окончил гимназию в Смоленске. По всей вероятности, получил неполное юридическое образование. Служил чиновником в провинциальном департаменте. С юношеских лет писал стихи. В Добровольческой армии состоял агентом отдела пропаганды. Временно судьба забрасывала его в Царицын, в Ростов-на-Дону. В феврале 1920 г. Кискевич выехал из Новороссийска в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Первые месяцы находился в «русской колонии» в городке Сурдулица на юге Сербии («по железной дороге Ниш-Вранье ехать до станции Владичин-Хан, а до Сурдулицы добираться на телеге»). Там Кискевич избирается членом комитета по ежемесячному размену рублей на динары – своеобразному виду государственной помощи прибывшим из России бе-

¹ Остоја Бурић. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд, 1990. С. 70, 291; Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии. СПб., 1993. С. 85.

женцам. Русские постепенно покидают это глухое место, но продолжают переписываться с Евгением Михайловичем, обращаются к нему с просьбами. Несколько таких писем сохранилось и в 1926 г. попало в Русский заграничный исторический архив в Прагу¹. Они наглядно иллюстрируют быт и заботы беженцев.

В письме от 9 ноября 1920 г. полковник Николай Павлович Стасенко из Земуна (пригород Белграда) пишет Кискевичу в Сурдулицу: «Ваша симпатия платит 150 динар за комнату. Она хорошо зарабатывает, шьет <...> Часы Ваши я скоро почию, вероятно привезу их сам, ибо там будет одно дело»².

С начала апреля 1921 г. Кискевич уже постоянно проживает в Белграде, один. В своем письме от июля 1921 г. полковник Стасенко в шуточном тоне отмечает: «Вы пишете, что столуетесь у попадьи, великолепно! Это на Вас похоже. Теперь развращаете духовенство. Воображаю, что стало с попадьей».

Екатерина Семенова, знакомая Кискевича по Сурдулице, проживавшая в городке Турски-Бечей, в своем письме от апреля 1921 г. просит его содействовать в посмертной публикации в Белграде «Борюшкиных записок» – воспоминаний своего первого мужа. Во втором, недатированном письме она выражает огорчение, что Кискевич хворает, находится в больнице и даже собирается в санаторию.

Корреспондент из Сурдулицы Алексей Семенович Булатов убедительно просит Кискевича продать в Белграде медвежий мех («мех представляет собой соединение спин двух сибирских бурых медведей и является, говоря объективно,

¹ Ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве. Ф. Р-7355.

² Все цитаты приводятся с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригиналов.

очень пышным и ценным. Длина его 2 метра с лишним, ширина 1 метр, длина шерсти от 8 до 10 сантиметров. Весь мех на черном плюше»).

Белградский художник Василий Резников просит Кискевича написать для сербских газет заметку о его персональной выставке картин.

В ноябре 1924 г. выдающийся белградский профессор-математик Николай Николаевич Салтыков, ссылаясь на сотрудничество Кискевича в берлинской газете «Дни» и посещение поэтом библиотеки эсеровской организации «Земгор», в своих двух письмах просит Евгения Михайловича написать заметку в газете о выходе из печати своего учебника «Аналитическая геометрия» и содействовать распространению «Земгором» экземпляров этой книги.

В 1921 г. Кискевич – студент Белградского университета (нам не удалось установить, какого факультета). Курса он не окончил и поступил чиновником на службу в Управление государственными монополиями («Управа Државних Монопола»), на место, обеспечивавшее вечному холостяку прожиточный минимум вплоть до немецкой оккупации Белграда (с апреля 1941 г.).

Тяготеющий к русской культуре, Евгений Михайлович в Белграде вращается в среде русских литераторов и артистов. Он становится одним из инициаторов «Книжного кружка молодых русских поэтов, прозаиков и друзей литературы», возникшего 6 декабря 1926 г. На регулярных «литературных средах», устраивавшихся этим кружком, преимущественно читались стихи. В январе 1927 г. был утвержден Устав общества и избрано правление: Е. М. Кискевич, А. А. Штром и Н. Шагаев. Членов Книжного кружка было более двадцати. Чаще всех свои стихи по средам читали Е. М. Кискевич, Е. Л. Таубер, Ю. Л. Сопоцько, Г. Г. Сахновский, А. А. Костюков, В. А. Эккерсдорф, И. И. Побегайло, Е. А. Елачич, Л. И. Машковский. В 1928 г. Кискевич принял в кружок

17-летнего гимназиста Кирилла Федоровича Тарановского, годом ранее опубликовавшего сборник своих переводов русской лирики на сербский язык.

В начале 1950-х гг. поэтесса Екатерина Таубер в своем «самиздате» – «Переключка» (послания друзьям) – вспоминала Кискевича, увлекавшегося В. Брюсовым: «Не нахожу лучшего слова, которое характеризовало бы поэта и человека. Достоинство. Оно выражалось во всем: и в черном, до последней застегнутой пуговицы поношенного пальто, и в подаче руки, и в толковом чтении стихов, которых он по-старинному именовал “пиесами”»¹.

В августе 1927 г. «Книжный кружок», проведя уже около 70-ти встреч – «литературных сред», выпустил сборник «Зодчий». В нем были представлены десять белградских поэтов подборками от двух до одиннадцати стихотворений. Е. Кискевич – десятью, написанными в 1924–1927 гг.² Он же был автором неподписанного вступления к сборнику («От редакционной коллегии»), своеобразного манифеста поэтов. Текст гласит:

Выступающие здесь перед русским обществом молодые поэты объединились на страницах «ЗОДЧЕГО» не случайно.

Их сближает как пребывание в одной литературной группе, так и более – общие взгляды на искусство, в особенности – на поэзию русскую.

Взгляды эти отправной точкой имеют признание исключительного значения искусства в русской жизни и истории. Учитывая катастрофичность многих сдвигов минувшего двадцатилетия и стремясь к художественному претворению своего времени, участ-

¹ Цит. по: О. Бурић. Ук. соч. С. 73.

² «Сизиф», «Поцелуй», «Звездный город», «Моление о чуде», «Утверждение», «Кто полюбил на миг, тот разлюбить не может...», «Летний дождь», «Молчание», «Любовь, где двое победителя...», «Новый день».

ники «ЗОДЧЕГО» убеждены, что задача эта выполнима лишь при условии продолжения русской культурной традиции.

Период разрушения кончается. Жизненному обновлению и красоте послужит свободное искусство, очистившееся как от эксцессов формализма, так и крайностей эстетизма, и освобожденное от услужения «тенденции».

Творчество – долг прежде всего перед самим собою.

Миссия искусства – в невольном и самодовлеющем раскрытии ценностей непреходящих... Грядущее искусство ответит на героический ритм эпохи и будет мужественным.

Художество может быть полезно лишь тогда, когда не стремится ни к какой наивно-эмпирической пользе.

С этой верою вступает в жизнь «ЗОДЧИЙ».

Октябрь 1927 года, в Белграде

В ежедневной берлинской газете «Руль» В. Сирин (В. В. Набоков) писал об этом сборнике, отмечая достоинства и промахи каждого из поэтов:

Среди стихов Евг. Кискевича есть одно очень занятное, безвкусное, но не лишенное какой-то грубой оригинальности. Действие происходит в церкви:

Угрюмый блондин у колонн фрислонил ослабевшие плечи...

Оглушительная строка! Кроме того, принужден отметить, что первое стихотворение Кискевича начинается так: «Работай, работай, работай» (взято целиком у Блока), а последнее так: «Я говорю о нежности, о славе» (тоже вроде Блока)¹.

В. В. Набоков не упоминает патриотическое стихотворение Кискевича «Кто полюбил на миг, тот разлюбить не может...», так стройно вписавшееся в сонетную форму.

¹ «Руль» [Берлин]. 1927, 23 ноября.

Лирическое стихотворение «Летний дождь» посвящено «г-же Л.М.И.» – Лидии Михайловне Ираклиди (урожд. Соловьева; 1893, Кишинев – 1995, Апатин, Сербия), образованной даме, оказывавшей материальную поддержку нуждающимся литераторам, включая Игоря-Северянина. На одном из поэтических сборников поэтов «белградского круга», попавшем в Национальную библиотеку Сербии, нами обнаружено посвящение Е. М. Кискевича: «Милой Лидии Михайловне Ираклиди, неизменному другу русской зарубежной поэзии. Евг. Кискевич. 14–X–1936 г. Б(елград)».

В своих преклонных годах, проживая в окрестностях Дубровника, Лидия Михайловна писала нам: «С Кискевичем я довольно часто встречалась, говорили о том, о сем, о поэзии. Как-то, во время большого ужина, он опрокинул на скатерть стакан красного вина...»¹

21 июля 1928 г. белградский литературный кружок был переименован в «Кружок поэтов им. М. Ю. Лермонтова». Ежедневная русская газета М. А. Суворина «Новое время», продолжавшая свое существование в Белграде на протяжении 1921–1930 гг., извещала о проведении «литературных сред». Приведем сведения из газетных заметок, касающихся участия Евг. Кискевича (помимо заметок о его регулярных чтениях собственных стихов):

27 августа 1928 г., на 99-м собрании, Кискевич прочитал свое новое произведение «Крушение» (не сохранилось – А.А.); 6 сентября, на годичном собрании, объединение русских поэтов постановило именовать себя «Союз поэтов – Книжный кружок в Белграде»; на своем 103-м собрании, проведенном 12 сентября, кружок окончательно стал именоваться «Союзом поэтов» и на нем была избрана делегация на Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом (состоялся в Белграде 25–30 сентября 1928 г.): Е. Л. Таубер,

¹ Письмо Л. Ираклиди А.Арсеньеву от 13 октября 1987 г.

Е. М. Кискевич, Г. Г. Сахновский и А. А. Штром. На этом съезде Кискевич принял участие в обсуждении доклада «К характеристике современной печати – большие газеты». В ноябре 1928 г. на очередной «среде», посвященной 125-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева, с речами выступили А. А. Бурнакин, Е. М. Кискевич и Г. Г. Сахновский (председатель кружка-союза в 1928–1929 гг.). С весны 1929 г. председателем Союза поэтов избирается Е. М. Кискевич. 12 июня он читает свой доклад «О русской культуре». На 140-м собрании, состоявшемся 19 июня, П. Ф. Евграфов прочел этюд, в котором был выведен персонаж из пьесы А. Н. Урванцева «Вера Мирцева». В обмене мнениями участвовали А. А. Бурнакин и Е. М. Кискевич.

В 1929 г. поэтесса Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987), окончившая в те годы французское отделение Философского факультета Белградского университета, участник «Книжного кружка» и друг Евг. Кискевича, – на пишущей машинке с сербским кириллическим шрифтом перепечатала с рукописи стихотворения поэта и нитками прошила-переплела листы сборника: «Евг. Кискевич. Собрание стихов, 1923–1928 гг. Семиглавый сборник» (58 стр., 45 стихотворений), вероятный тираж – 5–6 экз. Последним в этом сборнике помещено стихотворение «Эпитафия себе»: «<...> Здесь погребен редактор “Зодчего”, / При жизни звавшийся: “Евгений”. <...> Молись над ранним прахом Скифа! / Но вместо кондаков зачитанных / Твори: “Молчанье” и “Сизифа”...». Очевидно, этим своим стихотворениям поэт в те годы придавал особое значение.

1929 год в литературной биографии Кискевича значителен и фактом публикации перевода его стихотворения на сербский язык. В известном ежемесячном литературно-общественном журнале «Мисао» («Мысль») было опубликовано его стихотворение «Утверждение» (из сборника «Зодчий»), в переводе на сербский озаглавленное «Моя

вера»¹. Переводчик Трифун Джукич (1889–1966), поэт и литературовед, подписан инициалами «Т.Дж.». Публикации содействовала Е. Л. Таубер, сотрудница журнала. Стихотворению Кискевича в публикации предшествовал перевод стихотворения «Тени» К. Бальмонта.

В мартовской тетради того же журнала за 1932 г. опубликован короткий рассказ Кискевича, написанный на сербском языке, «Гаврило»², повествующий о двух эпизодах из жизни поэта – встречах с техником-строителем Ельцовым, другом Кискевича по смоленской гимназии. Первая состоялась в Медвеженской слободе Ставропольской губернии (там Кискевич «на отдыхе от уймы бумаг своего департамента, наслаждается наблюдением за подлинным материальным трудом крестьян»), вторая – в эмигрантские годы, на стройке жилых домов в Белграде.

В том же году в журнале «Мысль» было опубликовано еще одно стихотворение Кискевича – восьмистишие «Я знаю, что на родину приду...» в переводе на сербский Т. Джукича³, вместе со стихотворениями Екатерины Таубер и Игната Побегайло, русских поэтов белградского круга. Публикации предпослана короткая заметка редактора журнала: «Господин Евгений Кискевич прибыл из России в 1920 г. Служит чиновником в Управлении монополиями. С юных лет занимается поэзией и публикуется в разных русских изданиях. Помимо стихов пишет и рассказы (один из них – «Гаврило» опубликовал наш журнал в одной из своих предыдущих тетрадей). Все эти (русские. – А.А.) поэты занимаются и переводами югославских поэтов на русский язык»⁴.

¹ «Мисао» [Београд]. 1929. Кн. XXX, св. 1–2, май–июнь. С. 75.

² Там же. 1932. Кн. XXXVIII, св. 289–296, март. С. 271–275.

³ Там же. 1932. Кн. XXXIX, св. 297–304, июль–август. С. 357.

⁴ Там же. С. 453.

Нам известна лишь одна такая публикация Евг. Кискевича – переводы сонетов Милоша Видаковича¹ «Скадр» и «Плач Маргиты» (из цикла «Царские сонеты», посм. изд.: Сараево, 1918)². Маловероятно, что Кискевич был знаком с литературно-критическими статьями сербского поэта, жизнь которого прервалась на 24-м году. Однако, если сравнить текст «манифеста» из сборника «Зодчий» со статьями М. Видаковича (сербского переводчика «Синей птицы» М. Метерлинка), обнаруживаются схожие позиции на «задачи» искусства³. Сам цикл «Царские сонеты», возникший в годы освободительных войн на Балканах, проникнутый искренним патриотическим, свободолюбивым чувством к величественному (идеализированному) средневековому сербскому прошлому и поданный в тщательно отделанной поэтической форме, – не мог не привлечь Кискевича, вопреки тому, что рано скончавшийся в провинции поэт был уже всеми забыт.

¹ Милош Видакович (1891–1915) – поэт, литературный критик и переводчик (Метерлинка, Бергсона, Франса, Доде, Прево и др.), член кружка сербских патриотов «Молодая Босния», готовивших покушение на наследника Австро-венгерского престола. После Сараевского агентата бежал в Сербию, устроился преподавателем гимназии в г. Велес, где вскоре скончался от болезни легких.

² «Россия и славянство» [Париж]. 1929. № 19, 6 апреля.

³ Видакович подчеркивал принцип свободы художественного творчества и отмечал безусловное право художника писать, как ему подсказывают сердце и совесть. «Искусству стремятся навязать какую-то педагогическую тенденцию. В этом вся ошибка. Искусство не воспитывает. Не его задача сделать мир лучшим» (Милош Видаковић. Сабрана дела. Сарајево, 1971. С. 13–14); Кискевич: «Жизненному обновлению и красоте послужит свободное искусство, (...) освобожденное от услужения *тенденции*. Творчество – долг прежде всего перед самим собой».

В начале 1930-х годов белградский «Союз поэтов» переживал кризис, преимущественно из-за различных политических позиций его членов, вызывавших трения и личные обиды. Это привело к размежеванию «Союза» на группы единомышленников и к окончательному его распаду.

Кискевич примкнул к кружку «Литературная среда», который в октябре 1934 г. основал в Белграде Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904–1969) вскоре после своего возвращения из Парижа, где он защитил докторскую диссертацию и уже приобрел имя русского поэта. Вместе с Кискевичем в этот кружок вступили Е. Таубер и К. Тарановский, бывшие члены «Союза поэтов».

Членами нового кружка состояли молодые поэты Владимир Гальской, Лидия Девель (после 1944 г. – псевд.: Лидия Алексеева), Алексей Дураков, Александр Неймирок, Михаил Погодин, Игорь Гребенщиков, Нина Гриневич, Ростислав Плетнев, Михаил Смагин, прозаик Михаил Иванников, из старших – поэт и журналист Юрий Оффросимов (Г. Росимов), театральный режиссер Юрий Ракитин, проф. Евгений Аничков, писатель Василий Шульгин, драматург и актер Всеволод Хомицкий, поэтесса София Топор-Рапчинская и др.

В этом кружке, объединявшем людей разного возраста и политических позиций, встречи протекали в снисходительной и демократической обстановке. И. Н. Голенищев-Кутузов, имевший опыт общения с парижскими поэтами и литераторами, стремился к тому, чтобы в белградском кружке царил дух свободы, именовал членов «свободными гражданами». Однако возможности избежать политических разногласий не было; преимущественно они касались различных позиций членов по отношению к вопросу возвращения на родину.

Основная литературно-историческая заслуга кружка в том, что, благодаря организаторским и редакторским

способностям И. Н. Голенищева-Кутузова, уже в 1935 г. вышел в свет их первый (и единственный) поэтический сборник – «Литературная среда»¹, в котором представлено творчество одиннадцати поэтов, среди которых и Евгений Кискевич (4 стихотворения)². Русскому зарубежью это издание дало возможность познакомиться с поэтическими достижениями «Русского Белграда». Из поэтов белградской «Литературной среды», помимо И. Н. Голенищева-Кутузова, позднее приобрели известность Е. Таубер, Л. Алексеева, А. Неймирок, В. Гальской, А. Дураков.

Экземпляр сборника «Литературная среда» И. Н. Голенищев-Кутузов отправил в Париж своему другу Владиславу Ходасевичу, который ответил ему письмом от 25 марта 1936 г.:

<...> «Лит. Среду» (лучше бы – множественное число) получил, спасибо. Не очень скоро, но напишу о ней сам, чтобы Мандельштам³ не вздумал свирепствовать. Я постараюсь быть снисходительнее, хотя сборник не кажется мне удачным. <...> У Кискевича очень хороши два заключительных стиха о Тютчеве⁴ – и все тут. «Эфемерида» – эфемерида⁵.

Следующий этап в литературной и культурно-общественной жизни Е. М. Кискевича – членство в Союзе

¹ «Литературная среда. <Выпуск> I». Белград, 1935. 46+2 стр. 2-е изд.: 1936.

² «Осень», «Отлив», «К портрету», «Эфемериды».

³ Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943) – поэт, литературный критик, переводчик.

⁴ Имеется в виду стихотворение «К портрету».

⁵ В. Ф. Ходасевич. Шесть писем к И. Н. Голенищеву-Кутузову (1932–1936) // «Русская литература» [СПб.]. 1996. № 2. С. 144.

писателей и журналистов в Югославии (основан 1 октября 1925 г.), организации, в которую он вступил не позднее 1935 г. На одном из регулярно проводимых «Интимных собраний» Союза, 18 марта 1935 г., Кискевич читал свои стихи¹.

В 1938 г. в парижских «Современных записках» (Кн. LXVII. С. 154–155), вслед за стихотворением Вяч. Иванова, было опубликовано стихотворение Кискевича «Городской пейзаж». Приводим текст полностью, поскольку позднее он подвергся правке:

Давно уже не видно мне ни ветки
Из моего замгленного окна;
Перед прокуренной чердачной клеткой
Растет – цветет кирпичная стена.
Да крыши скат с дымящею трубою
(За ней луна живет по временам),
В зените тучи дыбятся гурьбою,
В надире – двор булыжный. По утрам
Над крытым черепицей косогором
Сквозит заря и слышен гам грачей:
Там глупым и животворящим хором
Они поют уют нагих ветвей.
Внизу шумят. Внизу пекут олады.
Внизу грачи спешат к делам своим.
И лунный ком над крыш волнистой гладью
Мрачней, исчезает точно дым.

Основным событием творческой биографии Кискевича является выход в свет сборника его стихотворений «Стихи о погоде. Писесы 1930–1940 гг. Белград, 1940, 46

¹ «На страже России. 1925–1935: Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии». Белград, 1935. С. 31.

стр.». На это издание появилось две рецензии – А. Никольского¹ и Е. Таубер.

Приводим полностью текст А. Никольского.:

Автор принадлежит к числу т. н. «молодых», т. е. современных русских поэтов нового времени и его стихи естественно несут отпечаток сей эпохи не только в содержании, но и в стихосложении и даже в употреблении слов, непринятых в прежних литературных писаниях, как напр., последнее слово во втором куплете стихотворения «Пахарь».

В сборнике он представил на суд публики 34 стихотворения за 10 л. период времени. Книжка его стихов изящно издана и снабжена интересными, хотя и не всегда понятными, рисунками худ. Э. Степанчика.

Данное автором заглавие сборнику: «Стихи о погоде» не соответствует его содержанию, что и сам подтверждает словами И. А. Бунина в эпиграфе: «Что ж всё погоду описывать!». Погода, как известно, дама капризная. Описывать ее не легко, а в наше время немодно. «Нам надо другого», как говорит г. Кискевич в своем стихотворении: «О хорошей погоде», единственном на эту тему. Но и в этом стихотворении собственно о погоде ничего не говорится и смысл его не ясен. Как не ясны для нас и некоторые другие его выражения и фразы, напр. в стих. «Дифирамб»: «вслед тебе цвели снега зеленой муравую» (Sic!); в стих. «Хорал»: «Укрывайтесь светоносной тьмою, расточайте бранные сердца» и др.

Таких неясных для нас, «сынов другого поколения», выражений в сборнике г. Кискевича немного, остальные его стихотворения, хотя и с задержками на некоторых местах, читаются легко. Лучшими из них, с точки зрения «старого поколения», я считаю

¹ Александр Александрович Никольский (1868 – 1942, Белград) – журналист, публицист, член Союза русских писателей и журналистов в Югославии, сотрудник белградских газет «Новое время», «Русский голос» и др.

«Элегию», «Nature morte» и последнее на стр. 46, без заглавия («И в этот мир приходят новоселы...». – А.А.)¹.

Е. Таубер в своей рецензии (на сербском языке) отмечает:

<...> На первых порах название приводит в недоумение: почему именно «Стихи о погоде»? Ведь лишь тогда, когда людям не о чем говорить между собой, возникает спасательная тема о хорошей и плохой погоде. Разгадка дана в прекрасных стихах «Элегии»:

*Я полюбил беседы о погоде,
О родственниках, жалованье, снах.
Ни резким взлетам, ни большой невзгоде
Нет места в наших дружеских речах.*

Нам кажется, будто бы поэт мечтает «о счастье быть, как все». Однако, это только кажется так. С жестокой иронией он говорит:

*(Мы) просто отмыкаем всякий ларчик:
Шкаф несгораемый, и спальню, и киот,*

И предлагает нам

*(...) слух оглушенный направить
На сшитые ближним по мерке
Стихи о хорошей погоде.*

Пошлость, поглощающая всё, нивелирующая всё, страх перед ней и сознание, что лишь она нужна людям, – является основной темой этих стихотворений: стать нищим, погрузиться в безличные ряды маленьких людей.

¹ «Русский голос». Национальная, общественная и военная еженедельная газета. Белград. 1940. № 493, 15 сентября.

Печален путь поэта. И сама Муза иногда просит его:

*Хочу тебя отговорить
За мной в высокий луг ходить.*

Он сознается: «Ведь, я полюбил несвободу», свою «золотую тюрьму», примирился со своей комнаткой, где

*Угол желтеньких стен. На латунном болте
Галстук, воротничек, пожилой, но крахмальный,
Полинялый флажок, дань скупая мечте,
Да обрывок фаты (котильонной, венчальной?)*

*А у притолки слон, сувенирчик соседки,
Одинокая книга, записка на самом краю,
И пучок иммортелей, слишком яркой расцветки.
О, прикрытая бедность, тебя ль благодарно пою?*

Однако, предать свое «я» он не в силах. И снова, вдохновенным дифирамбом, звучат его стихи к Музе:

*Одну тебя я не предал,
О, муза вешних лет...¹*

В 1987 г., с Лазурного берега Франции, из Мужена, Екатерина Леонидовна писала нам: «Стихов Кискевича, которые я когда-то переписала на сербской машинке, у меня вообще нет. Но “Стихи о погоде” есть с надписью. Их выход мы праздновали у Лидии Ираклиди с Игорем Северяниным. Я ей непременно напишу. Спасибо за адрес. Это она дала деньги на издание – благородная женщина! Иначе бы стихи Кискевича никогда не увидели света...»²

¹ «Српски книжевни гласник» [Београд]. 1940. Кн. LXI, св. 5 (сентябрь–декабрь). С. 393–394.

² Письмо Е. Таубер А. Арсеньеву от 30 сентября 1987 г.

В преклонном возрасте, за пять недель до кончины, Екатерина Леонидовна ошиблась: Северянин в 1940 г. уже не приезжал в Югославию (впервые приехал в Белград 21 октября 1930 г., пробыв в Югославии до конца февраля 1931 г.), а у Лидии Михайловны Ираклиди в 1930 г. все они вчетвером могли отмечать выпуск первого, машинописного сборника Кискевича.

В военные годы Кискевич подарил экземпляр своего сборника «Стихи о погоде» сербскому литератору и журналисту Милораду Павловичу (1865–1957), с дарственной надписью: «Дорогому Милораду Фомичу Павловичу от автора. Апрель 1943 г. Б(елград)»¹. Этот экземпляр попал в фонды Национальной библиотеки Сербии. В нем, на стр. 44, черными чернилами поэт вписал свое стихотворение 1942 г. «Малодушие», вероятно, последнее сохранившееся.

Мы не можем быть уверены в том, отлучался ли Кискевич из Белграда, путешествовал ли в 1920–1930 гг. за границу. Трудно доверять Нине Николаевне Берберовой, которая писала нам: «Хорошо помню Кискевича, который приезжал в Париж. Боже мой, каким он был... Маленький, худенький, на веки чем-то испуганный. Говорил тихо, всего боялся»². Поэтесса Лидия Алексеева в своем письме так прокомментировала высказывание Н. Н. Берберовой: «Кискевич ей показался маленьким, потому что у него был

¹ В письме к нам от 13 октября 1987 г. Л. М. Ираклиди поясняет: «Милорад Павлович был маленький толстый профессор; посещал всегда «Земгор» – центр левой эмиграции, которую субсидировал Король Александр, так как хотел знать, что происходит в С.С.С.Р. Это было одноэтажное здание на Милоша Великого улице, виз-а-ви Американского посольства. И большой сад за ним. А фактов никаких не помню. Земгор возглавлял Федор Евдокимович Махин – правая рука Тито, во всех комбинациях».

² Письмо Н. Берберовой А. Арсеньеву от 21 декабря 1987 г.

большой горб, и на груди и на спине, но вообще запутанным он не был, только, конечно, горб его не веселил»¹.

Военные 1941–1945 годы в оккупированном немцами Белграде для русской эмиграции были полны моральных и материальных испытаний. Разразившаяся в Сербии гражданская война, диверсии и скверное отношение партизан-коммунистов к русским «белогвардейцам», увольнение русских с государственной службы – многих принуждали покинуть свои насиженные места и бежать в Белград, где при «Русском доме им. Императора Николая II» существовала какая-никакая защита, действовала русская столовая. Белград был изолирован от хлебородных районов и жители столицы жили впроголодь.

Лишившись государственной службы, Евгений Михайлович жил на средства от продажи чего-то – знавшие его люди не дают однозначных ответов.

Л. Алексеева припоминала: «Он бывал изредка и у нас в доме (в семье полковника Алексея Викторовича Девель. – А.А.) – занимался продажей чего-то, чуть ли не галстуков, уже в военное время. Чем-то надо было поэту подрабатывать»².

У русского поэта белградского круга Владимира Львовича Гальского (1908–1961) есть стихотворение, вероятно, написанное в военные годы:

ЕВГЕНИЮ КИСКЕВИЧУ³

Он с хозяином был странно сходен:
Холоден, нескладен и высок.

¹ Письмо Л. Алексеевой к А. Арсеньеву от 15 марта 1988 г.

² Там же.

³ Владимир Гальской. Путь усталости. Вологда, 1992. С. 94–95.

Для обычной жизни непригоден.
Невеселый этот чердачек!

Виршей свежевypушенных стопки,
Бюст, покорно ставший в уголок.
В тцательно заклееной коробке
Порыжелый венский котелок.

Бедность здесь была уже не гостья,
Прочно полюбивши этот дом,
Чопорный, весь черный, с вечной тростью,
Он доволен был своим жильем.

По дрожащим деревянным сходням
Вечерами брел на свой чердак,
Труд нелепый, кончив на сегодня,
Литератор, критик и чудаk.

Чтобы здесь в глухом уединеньи,
Он, горбатый мистик и поэт,
Претворил неясные виденья
В тцательно отточенный сонет.

А вот каким странный жилец на мансарде запомнился пяти-шестилетнему мальчику. Житель Голландии, Иоанн Николаевич Качаки, доктор медицинских наук на пенсии, вспоминает:

Я его помню как невзрачного, застенчивого человека, всегда в черном пальто с шляпой. Был ли он горбатым или нет – не уверен, но почему-то мы, немилосердные дети, его дразнили: «Горбун, горбун...». Он всегда старался незаметно войти в длинный коридор дома и пробежать к лифту, который вез его на мансарду (6-й этаж, считая по-русски), где он снимал крошечную кухнюку у русской семьи, чью фамилию я забыл.

После сентября 1944 г., когда наш дом почти опустел (большинство жителей 25-ти квартир дома, владельцем которого был профессор Александр Белич, были русские беженцы), и хозяйка его квартиры эвакуировалась в «немецкой эвакуации» в Германию, — он почему-то остался.

По взятии Белграда красными, Кискевич исчез. Белич сдал ту квартиру одной моей дальней родственнице, но кухня оказалась запечатанной сургучными печатями «ОЗНБ»¹. Некоторое время спустя, родственнице удалось получить разрешение новых властей (через хозяина дома и его делопроизводителя, русского адвоката Владимира Чернышевского, который тоже почему-то не убежал), открыть кухню и вселиться в нее, так как «Кискевич больше не вернется». Я присутствовал этому и помню эту комнатку (т.е. бывшую кухню). Она была вероятно 3,5 м на 2,5 м. В ней была маленькая кровать, столик с книгами и полка над ним, тоже завалена книгами и бумагами, которые были все разбросаны по полу и кровати, вешалка на стене, с какой-то одеждой, и открытый шкафчик. То, что меня поразило, был бюст Гитлера и «Mein Kampf» на столе!

Что со всем этим произошло затем, не знаю, т.к. меня сразу выпихнули оттуда и отправили домой. Я вообще не соображал, кем был этот «горбун» и куда он делся. В конце 1944 — начале 1945 г. наш жилой дом, опустевший на 80 %, наполнился новыми жильцами и никто о Кискевиче не говорил, а большинство и не знало ничего о нем.

Только когда я, почти пол века спустя, начал работать над библиографией русских беженцев², я смутно вспомнил, что фамилия

¹ ОЗНА (Одељење заштите народа) — первоначальное название Управления государственной безопасности (УДБА) социалистического периода Югославии.

² Јован Качаки. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији: Библиографија радова 1920-1944. Покушај реконструкције. Друго, допуњено и прерађено издање. Београд, 2003.

«Кискевич» мне откуда-то известна и начал соображать, что он был тем самым «горбуном». Это подтвердилось, когда я в Историческом архиве Белграда увидел регистрационную карточку Кискевича с его именем, отчеством и адресом: Франкопанова, № 30¹. <...>

Кискевич всё-таки не мог быть таким идиотом, чтобы при приходе красных сохранить бюст Гитлера и его книгу! Может быть, они и не принадлежали ему, а хозяевам опустевшей квартиры, и он их забрал себе? Но беречь их он никак не мог. Предполагаю, что их Кискевичу кто-то подбросил и доложил ОЗНЕ о нем. Кто? <...> Самый вероятный кандидат: Федор Лепехин, первый сосед квартиры, в которой жил Кискевич. У Лепехина с супругой были большой книжный магазин с издательством и библиотека («Книжный мир», Франкопанова, 32), в доме возле нашего. Дедушка и бабушка мне говорили, что Лепехин был эсером. Всё время германской оккупации его никто не трогал, магазин и библиотека работали; и во время красной оккупации магазин работал, до 1949 г. Его даже не отняли во время национализации 1947 г. Но, в 1949 г. Лепехина арестовали, судили за шпионаж в пользу СССР. Он отсидел несколько лет и его с супругой выслали из Югославии. За что ему было пакостить Кискевичу? Вероятно, из-за политики. Бог знает, у них может были какие-то счеты, еще с времен Гражданской войны. <...> Кискевич не был аполитичным и вполне возможно, что между ним и четой Лепехиных владела ненависть и вражда.

Мне хотелось снова просмотреть регистрационную карточку Кискевича – в целях узнать фамилию его хозяев. Также, хотелось взглянуть и на карточку четы Лепехиных. Ни одной из них в Историческом архиве Белграда не оказалось! Я знаю, что карточка Кискевича там была – она была у меня в руках, несколько лет тому назад. Возможно, ее сунули по ошибке куда-то?²

¹ В период социалистической Югославии улица была переименована в ул.Генерала Жданова; ныне – ул. Ресавска.

² Письмо И.Качаки к А.Арсеньеву от 25 сентября 2005 г.

После ознакомления со стихотворением Гальского И. Н. Качаки продолжил свои воспоминания детства:

Как мне не помнить эти мансардные ступеньки?! Я почти каждый день проходил ими, до 1971 г. – до своего отъезда в Голландию. «Деревянные» – это licentia poetica Гальского. Они были каменными. Лифт шел до 5-го этажа, а оттуда каменные ступеньки вели на мансарду. Наверху, на мансарде, был в самом деле деревянный пол, это была большая передняя (6 на 6 м), куда выходило пять дверей: одни в квартирку сербки (госпожи Мишич, которая внизу, в нашем доме держала приемный магазин для химической чистки одежды, и ее никто не трогал), другие две – в квартиру хозяев Кискевича. Первая из них вела в его комнату (кухоньку с черно-белым полом из керамических плиток, расположенных в форме ромбов, из которой еще одна дверь вела в остальную часть квартиры хозяев), третья – в «парадный» вход квартиры хозяев Кискевича, четвертая – в квартиру пресловутой четы Лепехиных, и пятая – на огромный чердак для сушки белья всего жилого дома.

Помню, после депортации четы Лепехиных, на этом чердаке долго валялась куча их книг, выброшенных из их квартиры новопоселившимися жильцами <...>

Бюст – вот это интересно! Неужели это тот самый?! Тогда ему его никто не подсунул! Но, всё-таки, все кандидаты, упомянутые мною, остаются таинственными личностями¹.

А что случилось с поэтом Кискевичем?

Комментаторы собрания стихотворений В. Гальского пишут: «Его (Кискевича. – А.А.) жизнь окончилась трагично. После освобождения Белграда в октябре 1944 г. поэта арестовало советское НКВД, заподозрив в сотрудничестве

¹ Письмо И. Качаки А. Арсеньеву от 26 сентября 2005 г.

с немцами, а потом передало в руки югославских органов. По высказыванию многих современников и свидетелей тех дней, поэт был расстрелян по недоразумению»¹.

Поэтесса Л. Алексеева в опубликованном фрагменте своих воспоминаний о Белграде писала: «Был в Союзе (русских писателей и журналистов в Югославии. – А.А.) и Евгений Михайлович Кискевич, горбатый поэт, всей душой преданный литературе. Держался он немного торжественно, очень был увлечен союзными делами, и во время выборов нового правления переживал их, как важнейшее событие. Он не выехал из Белграда, когда пришли советские войска, и был расстрелян за то, что держал себя открыто враждебно к новой власти, геройски не тая своих чувств»². Позднее, через 5 лет, она писала: «О причине гибели Кискевича мне говорили, что он пострадал, потому что печатался в русской газете, которая издавалась на немецкие деньги. Я уверена, что писал он там вещи вполне невинные, – трудно литератору устоять от возможности где-то печататься, но время было жестокое и никто не стал разбираться»³.

Известный славист Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993), знакомый Кискевича по «Кружку поэтов», писал О. Джуричу в Белград из США: «Я встречался с Кискевичем в дни оккупации. Он занимался перепродажей подметок для обуви. Пересказывал новости передававшиеся по лондонскому радио и был на стороне союзников. Ничего прогитлеровского у него не было. Я встретил его на улице перед самым освобождением, у “Лондона” (ресторана. –

¹ Владимир Гальской. Указ. соч. С. 94.

² Лидия Алексеева. Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах. [Составители-издатели] Зинаида Шаховская, Ренэ Герра и Евгений Терновский. Париж, 1981. С. 368.

³ Письмо Л. Алексеевой А. Арсеньеву от 3 ноября 1987 г.

А.А.). Он был совершенно спокоен, не намеревался бежать, так как не сотрудничал с оккупантами»¹.

Кискевича вместе с группой русских «солидаристов» арестовали органы СМЕРШа 2-го Украинского фронта Красной армии. Вскоре «советы» выдали его югославским органам безопасности и он попал в лагерь Баница на окраине Белграда, в котором были заключены видные сербы, коллаборационисты или лояльно относящиеся к оккупантам.

Л. М. Ираклиди писала нам: «Кискевич взывал ко мне во время ареста, молил о спасении, но ведь и мы с мужем недавно выбрались из затвора (тюрьмы. – А.А.) Гестапо! Я никогда не могла понять, почему его арестовали и расстреляли. Очень была удручена»².

В 1980-е гг. д-р Остоя Джурич пытался разыскать в белградских архивах списки расстрелянных узников Баницы. Официально ему был дан ответ, что в этих списках имени Кискевича нет. Однако проф. К. Ф. Тарановский сообщил О. Джуричу факт, известный ему от И. Н. Голенищева-Кутузова: весной 1945 г. над дверями одной из лагерных камер Баницы была обнаружена нацарапанная на сербском языке запись: «По видимому, нас ведут на расстрел – Кискевич»³.

Неведомыми путями в Национальную библиотеку Сербии в Белграде попало несколько книг из комнатки на мансарде. На них экслибрис в виде печати – текст в прямоугольной рамке:

Архивъ Е. М.
Кискевича, Бѣлградъ №

¹ Письма К. Тарановского О. Джуричу от 14 февраля 1984 г. и от 27 января 1988 г. (Цит. по: О. Бурић. Указ. соч. С. 74.)

² Письмо Л. Ираклиди А. Арсеньеву от 13 октября 1987 г.

³ Устное сообщение О. Джурича А. Арсеньеву 22 сентября 2006 г. См. также: О. Бурић. Указ. соч. С. 74.

С этим экслибрисом нами обнаружены в библиотеке следующие книги (скромные по оформлению и объему):

№ 37: Евг. Вадимов. К единому (Пять стихотворений). Белград, 1929.

С дарственной надписью: «Евгению Михайловичу Кискевичу вместе с искренним поэтическим приветом посылаемым серьезному коллеге. Автор. Белград, 1928, 12 авг.»

№ 67: Тавва. Зеркала вездесущности. (Стихи). Белград, [б.г.].

№ 77: Павел Поляков. Поэмы. Прага, 1939.

На странице «Оглавления» рукой Кискевича, карандашом:

*Сей гул разнообразный...
Молитва, смех и вой
России несурозной,
Но, всё-таки, родной.*

14. XII 939 г.

№ 78: К. Р. Кочаровский. Россия на очереди: Письма к новой интеллигенции. I. Закономерность современной фантастики. II. «Научный апокалипсис» и зарубежники. III. Что такое прогресс. Белград, 1940.

Первая посмертная публикация стихотворений Е. М. Кискевича состоялась в Загребе, в 1987 г.: в тематическом выпуске журнала мировой литературы «Литературный смотр» («Književna smotra») литературовед, славист д-р Ирэна Лукшич опубликовала на русском языке подборку стихотворений шести русских поэтов «белградского кру-

га», включив стихотворения Кискевича «Молчание» и «Поцелуй»¹.

О русских литераторах в Сербии между двумя мировыми войнами – поэзии, прозе, публицистике, кружках и изданиях – писал белградский литературовед д-р Остоя Джурич². Им подготовлена и «Антология поэзии русского Белграда», в которой стихотворения опубликованы в оригинале и в его переводе на сербский³. Кискевич представлен там девятью стихотворениями⁴.

В России опубликовано стихотворение «Элегия» («Я полюбил беседы о погоде...»)⁵.

Еще один поэт «белградского круга» возвращается на родину – стихами⁶ («Так возвращусь я в оскуделый дом /

¹ «Književna smotra». Časopis za svjetsku književnost. Zagreb. 1987, br. 65–66 (Ruska književnost u dijaspori). S. 73–74.

² Остоја Ђурић. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац – Београд, 1990.

³ Антологија поезије руског Београда. Српско-руско издање. Избор, превод, предговор и белешке о песницима: Остоја Ђурић. Београд, 2002.

⁴ Поле за Белградом, Эпитафия себе, «Кто полюбил на миг тот разлюбить не может...», Летний дождь, К портрету, Nature morte, Восьмистишие («Я знаю, что на родину приду...»), Письмовник, Звездный город.

⁵ Алексей Арсеньев. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 166 (глава «Быт и досуг русских на чужбине»).

⁶ Владимир Гальской. Путь усталости. Вологда, 1992; Лидия Алексеева, Ольга Анстей, Валентина Синкевич. Поэтессы русского зарубежья. М., 1998; Павел Поляков. Господь казаков воскресит! Сборник избранных стихов. Ростов-на-Дону, 2001; Илья Голенищев-Кутузов. Благодарю, за всё благодарю. Собрание стихотворений. Пиза – Томск – Москва, 2004; Алексей Эйсер. Человек начинается с горя. Стихотворения разных лет. М., 2005;

К неизменяющим пенатам». Своей нележкой жизнью и трагическим концом Евгений Кискевич окупил себе «прописку» в России.

Алексей Арсеньев, Сербия

Алексей Дураков. Один из солнечных лучей. Собрание стихотворений. М., 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБРАНИЕ СТИХОВ 1923–1928 гг.

Семиглавый сборник (Белград, 1929)

Вместо предисловия.....	5
-------------------------	---

I

Гл. VI, ст. 12, 13.....	7
Земле! Земле!.....	8
Тучи.....	9

II

Рожденному	10
Requiem	11
Тирада.....	12
Профессорский городок	13
Венок.....	14
Лоцман.....	16
Вертоград.....	17

III

Как больно	18
Руины.....	18
Ракета.....	19
Сирень	20
Расставание.....	20
Триолет	22

IV

Змий. <i>Текст к сонате художника н. К. Чурляниса</i>	23
Отрывок симфонии.....	25
Сокровище	27
Блондин.....	27
Надпись на фронтоне	29
Город.....	30

V

Копет-даг. <i>Романс</i>	32
Мадригал	32
Ключи	33
Крымская песнь	34
Дон Рамон	34
Ария маскированного кавалера.....	36
Пастораль.....	37
Поэт зарыгт... ..	38
Чай	39
Подарок.....	40
Похвала хорею	41

VI

Поле за Белградом	43
Утро осени	43
Осень	45
Лесной ветер. <i>Начало сказки</i>	46
Псалом вечерний.....	47

VII

Эпитафия себе.....	48
--------------------	----

СТИХИ О ПОГОДЕ

Пьесы 1930–1940 гг. (Белград, 1940)

«Хочу тебя отговорить...».....	51
Равнины.....	51
«Солнце заходило за леса...»	52
Пахарь.....	53
Рожь	54
Свобода.....	55
Дифирамб	55
Эхо.....	56
Ребенок.....	57
Дружба	58
Nature morte	58
Бессонница	59

Восьмистишия	
I. «Я знаю, что на родину приду...»	60
II. «Не торопитесь на пути земном...»	60
III. «Мне служит европейская культура...»	60
Есенин, Маяковский	61
Герою	62
Меч	62
Хорал	63
Ноктюрн душе	64
«Как горестно бледное небо...»	64
«Подчас мы взываем...»	65
Стихи о хорошей погоде	66
«Нет времени в безвыходных стенах...»	66
Долгая осень	67
Городской пейзаж	68
Элегия	68
Север	70
«За ломоть хлеба...»	71
Письмовник	72
Поэты	72
«Ночное небо всем открыто...»	73
К портрету	74
«Оставь меня, девушка, нимфа: ты слишком красива...»	75
Со-весть	76
«И в этот мир приходят новоселы...»	77

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

Сизиф	78
Поцелуй	79

Звездный город	80
Моление о чуде.....	81
Утверждение.....	83
«Кто полюбил на миг, тот разлюбить не может...»	84
Летний дождь	84
Молчание	85
«Любовь, где двое победители...»	86
Новый день	87
Отлив	88
Эфемерида	89
Малодушье.....	90

ПЕРЕВОДЫ С СЕРБСКОГО

Милош Видакович
(1891–1915)

Плач Маргиты	91
Скадр.....	92
<i>А. Арсеньев.</i> «Народы и меридианы переместились на земле...»	93

Кискевич Е. М.

К44 Ноктюрн душе: Стихотворения. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 128 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 978-5-9796-0121-2

Е. Кискевич (1891–1945) в эмиграции оставался практически безвестен; лишь однажды его стихотворение появилось на страницах парижского («столичного») журнала. Его творческое наследие – два тонких сборника и несколько стихотворений в альманахах «Зодчий» и «Литературная среда». Кискевич, в отличие от многих других, не уехал из Белграда во время Второй мировой войны и был расстрелян без суда и следствия при вступлении советских войск в столицу Югославии.

Настоящее издание включает всё сохранившееся поэтическое наследие Евгения Кискевича.

ББК 84Р7-5

Кискевич Евгений Михайлович

Ноктюрн душе

Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *В. Резвый*

Подписано в печать 25.09.08. Формат 60х90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 4

Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается
с горя: Стихотворения разных лет.
2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных
лучей: Собрание стихотворений.
2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвласт-
на лишь любовь: Стихотворения.
2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов:
Стихотворения. 2006. – 80 с.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@rambler.ru

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Щиrowsкий В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2007. – 136 с.

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В. Е. Щиrowsкого (1909–1941). Поэт погиб в Керчи под бомбежкой; чудом сохранилась часть его архива. Эта книга – единственное собрание произведений Щиrowsкого. В нее вошли также краткие воспоминания о нем А. Н. Доррер, подруги жены поэта.

Кржижановский С. Д. Книжная душа: Стихотворения разных лет. 2007. – 88 с.

Из всех литературных открытий постсоветской эпохи явление С. Д. Кржижановского (1886–1950) из полного небытия было самым ошеломительным. Поэтическое наследие писателя не вошло в собрание его сочинений. Книгу составили стихи, которые Кржижановский еще в 1910-е годы печатал в киевских газетах и потом всю жизнь изредка записывал на полях прозы, а также поэтические переводы.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Сабуров А. А. Будем с верою радости ждать: Стихотворения. 2007. – 80 с.

Потомок древнего боярского рода; племянник композитора Н. К. Метнера и философа Э. К. Метнера, ученик И. А. Ильина, – кем мог бы стать А. А. Сабуров (1902–1959) в свободной стране?.. А в России его лирика его до сих пор оставалась неизвестной читателям. Основу книги составляет тетрадь стихотворений А. А. Сабурова, датированная 1925 годом.

Штих А. Л. Истлевших лет живые сны: Избранные стихотворения. 2008. – 128 с.

А. Штих (1890–1962) если и известен любителям поэзии, то только по биографиям Б. Пастернака в качестве друга его юности и адресата многочисленных писем. Единственная его книга, изданная в 1916 г., сегодня сохранилась в единичных экземплярах. Настоящее издание дает возможность познакомиться с творчеством поэта достаточно самобытного, но так и не узнавшего прижизненной известности.

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Скрябин А. Н. Поэма экстаза. 2008. – 128 с.

Бурный талант А. Н. Скрябина (1872–1915) был на удивление многогранен и синтетичен. Есть в его творческом наследии и стихи. Лучшие из них, вместе с сонетами В. Брюсова, Вяч. Иванова и К. Бальмонта, посвящёнными безвременной смерти гениального композитора, способны прояснить феномен творца-подвижника, Прометея, попытавшегося волшебной силой искусства преобразить мир, пусть даже и ценой собственной гибели.

Нейштадт В. И. Пейзаж с человеком: Стихи и воспоминания. 2008. – 128 с.

Владимир Ильич Нейштадт (1898–1959) известен любителям поэзии как переводчик с немецкого. Однако всю жизнь он писал стихи, которые не публиковались после 1930-х годов, а в 1950-е создал и автобиографию, которая почти 60 лет пролежала в архиве. Книга представляет читателю В. И. Нейштадта – поэта и мемуариста.